

Это личное!

Ида
Мартин
ТВОЙ
ПОСЛЕДНИЙ
ШАЗАМ

Любовь. Опасно для жизни!

Это личное!

Ида Мартин

Твой последний шазам

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Мартин И.

Твой последний шазам / И. Мартин — «Издательство АСТ»,
2020 — (Это личное!)

ISBN 978-5-17-123054-8

Жаркое лето, каникулы, свобода и оглушительная любовь. Недетские проблемы, опрометчивые решения, эмоции и юношеский максимализм. Семнадцатилетней Тоне не впервой столкнуться с обвинениями в смерти человека, но одно дело знать о своей невиновности и совсем другое – верить на слово тому, кого любишь. Могут ли пятеро парней, отправившись на подработку в заброшенный лагерь заскучать? Обойтись без приключений, девчонок, полиции и драк? Однако, чем лучше они узнают друг друга, тем сложнее становится Никите сохранить их дружбу. Мама неоднократно предупреждала Виту, что Артем для нее «слишком взрослый», «слишком красивый», «слишком раскрепощенный», но в любви голос разума бессилён. Отчаянно пытаясь высвободиться из сетей собственных чувств, Вита все больше запутывает опасный клубок...

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-123054-8

© Мартин И., 2020
© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	26
Глава 5	33
Глава 6	41
Глава 7	49
Глава 8	57
Глава 9	64
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Ида Мартин

Твой последний шазам

Все, что делается из любви, всегда находится за гранью добра и зла.

Ф. Ницше

© Ида Мартин, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Глава 1

Тоня

«Представь, по железной дороге несется тяжелая неуправляемая вагонетка, а на ее пути, привязанные к рельсам, лежат люди. Пять человек. Ты можешь спасти их, переведя стрелку, и тогда вагонетка поедет по запасному пути. Проблема в том, что на нем тоже лежит привязанный к рельсам человек. Но только один. Выбор за тобой. Или вагонетка убьет пятерых, или ты – одного?»

Пока я размышляла, как ответить на это сообщение, ко мне за столик подсел самодовольного вида парень и, вальяжно закинув ногу на ногу, принялся покачивать в такт гремящей музыки резиновой шлепкой.

– Чего грустим?

Я поискала глазами родителей, но танцующих на площадке возле открытого бассейна было слишком много.

– Я Илья, – сообщил парень. – Мы вчера приехали. А ты здесь давно?

– Одиннадцать дней, – не без труда вспомнила я, все еще пребывая в своей переписке.

– И как тебе? Судя по отзывам, отель шикарный.

Ритмично качающаяся шлепка нервировала.

– Отель как отель, – я пожала плечами. – Кормят нормально.

– А где вы здесь оттягиваетесь? Бары, кафешки, дискотеки, пенные вечеринки... Где тут вообще можно зажечь?

– Это у моих родителей нужно спрашивать. Они здесь «зажигают».

– Так ты с родителями? Я думал, с подругами, – он кисло оглядел меня. – А парень-то у тебя есть?

– Мы завтра улетаем, – я надеялась, что Илья тут же отвалит.

Но он не отвалил. Вместо этого поднял палец вверх, прислушался к музыке и, гнусаво подпев «Гавана у-на-на», предложил:

– Потанцуем?

– Нет.

– Да чего ты стесняешься? Я тебя научу, – его голос приобрел томный оттенок. – Давай-давай, не пожалеешь.

Я мигом представила, как он, яростно шаркая шлепками, усердно кружит меня, и, не сдержавшись, рассмеялась.

– Найди кого-нибудь другого.

– В смысле? – он глупо вытаращился.

– Я не танцую.

– Вообще?

– С тобой.

– Ладно, – Илья резко встал, смерил меня таким презрительным взглядом, будто только что на его глазах прекрасная карета превратилась в тыкву, и, уже отходя, сквозь зубы процедил: – Тупая коза.

Телефон завибрировал раз в пятнадцатый.

«Куда ты пропала? Тоня?!»

Все еще смеясь, вместо ответа я написала:

«Слушай, Амелин, а ты мне парень или кто?»

«Чувствую какой-то подвох», – откликнулся он моментально.

«Нет никакого подвоха. Просто интересовался тут один, есть ли у меня парень».

«Кто интересовался?»

«Прекрасный принц, разумеется. Обещал танцевать научить».

«И что ты ответила?»

«Естественно, что я свободна и мечтала о танце с ним всю жизнь. Что же еще ответить прекрасному принцу?»

Мне эта шутка казалась очень забавной: в том, что касалось танцев, лучше Костика не было никого. А предложение «научить танцевать» было его любимым подкатом, особенно когда я обижалась. Однако иронию он не оценил и отреагировал неожиданно нервно:

«Можешь держать меня за кого угодно, только, пожалуйста, ничего не рассказывай. Иначе мне придется с этим что-то делать».

Я так и видела перед собой взволнованно хлопающие ресницы и полный негодования взгляд черных глаз. С ним иногда такое бывало: то напропалую дурачился, то вдруг обижался на сущую ерунду.

«Какой ты бываешь глупый».

Он завис с ответом, и я пояснила:

«Просто это странно. Странно называть тебя „моим парнем“. Непривычно и звучит по-дурацки».

«Что в этом странного? Чем я хуже других?»

То было самое узкое место, в котором его загоны неминуемо сталкивались с полчищем моих тараканов. Так что теперь тормозила уже я.

«Скажи, пожалуйста!»

«Прямо сейчас».

«Кто я тебе?»

«Чем я хуже других?»

Мне казалось бессмысленным объяснять то, что и так очевидно. Я отключила виброзвонок и перевернула телефон экраном вниз.

Слова – это всего лишь пустое место, ничего не стоящий звук. Сказать можно что угодно, а Костик был умным и не мог не понимать, что у меня к нему все серьезно.

Я не умела говорить о своих чувствах, а он до тошноты настойчиво искал им подтверждение, хотя прекрасно знал, что меня не смущают ни его многочисленные шрамы, ни суицидальное прошлое, ни бедность, ни дурная мать, которая довела его до всего этого, ни эксцентричное временами поведение.

Меня ничто не смущало. Я очень привязалась к нему, пока мы из-за одной неприятной школьной истории были в бегах.¹

Но все это слишком сильно смущало его самого.

– А мои родители, между прочим, на танцах познакомились, – раздался над ухом низкий глухой голос.

Я подняла глаза и увидела возрастную, сильно загорелую женщину с белыми крепко завитыми локонами, огромными накачанными губами и тонной черной туши на коровьих ресницах.

– И чего? – я все еще была в своих мыслях.

– Жаль, что мама папашу так же не отшила, – женщина вульгарно хохотнула, и мне показалось, что она изрядно пьяна. – Можно сяду?

Не дожидаясь ответа, она плюхнулась на стул, и в ту же минуту официант принес нам по шоколадному коктейлю.

– Это за что? – спросила я.

– Ты мне понравилась.

Не зная, что ответить, я благодарно кивнула.

¹ И. Мартин. Дети Шини.

– Видела, как ты развернула этого парня. – Голос у нее был такой низкий, что я на какой-то момент засомневалась: женщина она или какой-нибудь трансвестит. Но потом вспомнила, что нужно смотреть на кадык. Если он есть, значит, перед тобой мужчина. У нее кадык отсутствовал.

– Весь вечер тут сидел, на тебя смотрел. Подойти не решался. Его друзья ушли, а он надумал-таки попытать счастья.

– Правда? – мне стало немного стыдно, что я так резко обошлась с Ильей. – Он обозвал меня тупой козой.

– Серьезно? – женщина снова рассмеялась. – Это хорошо.

– Чего хорошего? – я никак не могла понять, к чему она ведет.

– Хорошо, что ты его отшила. Мои родители на танцах познакомились. Но лучше бы никогда не встретились. Отец вот так же подошел к матери и пригласил танцевать. Это в Анапе было. В пятидесятых. Мама вначале не соглашалась, но раньше так принято было. Мужчина должен был доказать свою заинтересованность, а не как этот, – она кивнула в сторону и замолчала в ожидании вопросов.

Но не дождалась. Меня совершенно не интересовала история знакомства ее родителей, ее собственная жизнь или обсуждение мужчин.

– Спасибо за коктейль. – Я собиралась встать, но женщина неожиданно накрыла мою руку ладонью.

– Ты когда-нибудь была влюблена? Не просто так, а по-настоящему? До разрыва сердца? До апокалипсиса?

– Без понятия.

– Значит, не была, иначе сразу поняла бы это.

Я осторожно высвободила руку и встала. Если бы у меня был ключ от номера, ушла бы сразу, но он остался у мамы.

– Просто хочу предупредить. Тебе еще совсем мало лет, и ты должна понимать, какие опасности подстерегают тебя в жизни. – В ее глазах блестело пьяное безумие. – Любовь – это самое страшное на свете зло. Она приносит страдания и толкает людей на самые ужасные преступления. Любовь – это зависть, ревность и страх. Это всегда потеря себя в другом.

– Еще раз спасибо за коктейль.

– Никогда не люби, – крикнула она мне вслед. – Любовь убивает.

Я с трудом отыскала маму среди танцующих, увидела ее ярко-оранжевый топик и бросилась к нему как к спасательному кругу.

– Ну что? – Раскрасневшаяся и довольная мама выглядела очень молодой и красивой. – Не надумала развеяться? Последний же вечер!

– Нет. Пойду к себе. Здесь скучно.

– А там что? Опять в телефоне сидеть?

– Спать лягу. Быстрее завтра наступит.

Поднявшись на свой этаж, я сфотографировала длинный пустой коридор с красной ковровой дорожкой и отправила фотку Амелину. Пусть знает, что я не на танцах.

Упала на кровать и несколько минут лежала, остужая мысли.

А потом снова схватилась за телефон.

Но там ничего не было. Ни одного сообщения, даже комментария к фотографии коридора.

Я включила телевизор, сходила в душ, съела оставшийся с обеда несладкий персик, не глядя пролайкала новостную ленту друзей и уткнулась в видеоклипы.

Мы ждали. Я – что он сменит тему, он – моих ответов. И в этом молчаливом противостоянии проигравший был заведомо известен, потому что я ненавидела ждать. Ожидание вынимало из меня душу и заставляло совершать необдуманные поступки.

И я почти уже собралась написать, как на экране телефона высветился его номер. Я быстро схватила трубку и прижала к уху.

– Костя, ты с ума сошел? Мы же договорились не звонить, – на радостях выпалила я. – Это дорого.

– Ответь честно, ты ему правда не сказала про меня?

– Ты из-за этого звонишь?

– Звоню, потому что завтра встретиться не получится, – голос был тихий и далекий. – Я сейчас уезжаю в деревню. Ты просила предупредить.

– Я ничего такого не сделала и не сказала, чтобы вот так психовать.

– Вот именно – не сказала... – он усмехнулся и помолчал. – На самом деле там с бабушкой что-то. Нужно ехать. Мила позвонила.

По его серьезному тону я поняла, что это правда.

Мы скомканно попрощались.

С Костиной бабушкой я была едва знакома. Виделись пару раз – крупная, усталая деревенская женщина. Никакой особой симпатии между нами не возникло. И я знала, что в глубине души Амелин винит ее за то, что она позволила матери забрать его к себе. Об этом он никогда не говорил, но сама бабушка однажды рассказала.

Мне, конечно, не хотелось, чтобы с ней на самом деле что-то случилось, но то, что из-за нее мы не могли в ближайшие дни увидеться, было очень обидно. Особенно после этой дурацкой переписки и повисшей недосказанности.

В Москве жара стояла сильнее, чем в Испании, и стоило нам там оказаться, родители тут же начали страдать, что хотят обратно.

Прошло четыре дня, но Амелин так и не вернулся. Нельзя сказать, что он совсем пропал. Два коротких сообщения я все же получила, однако фразы: «Пока здесь» и «Извини, придется задержаться» – скорее напоминали телеграммы, в которых каждая буква стоила непозволительно дорого.

Это было очень странно и необъяснимо. Последние две недели он писал не прекращая, по поводу и без повода, присылал мемы, картинки, музыку, рассказывал о своих соседях, прочитанных книгах и о всяком другом. Поэтому я слишком привыкла, что он всегда в телефоне. Двадцать четыре на семь. Как джинн из бутылки. Стоит пожелать – и Амелин тут как тут: «Чего изволите?»

С середины апреля до первых майских праздников мы виделись каждый день: гуляли по улицам и торговым центрам, сидели в фастфудах или кино, но чаще всего зависали у меня дома. Я заканчивала десятый класс, и никаких серьезных экзаменов не предвиделось. Костику же предстояло сдавать ЕГЭ, поэтому мама однажды сказала, что если я не последняя эгоистка, то должна дать человеку подготовиться, ведь у него нет репетиторов и, кроме самого себя, рассчитывать не на кого.

Пришлось согласиться. Мы стали встречаться реже, однако писать он никогда не переставал. И как бы я себя ни успокаивала, какие бы ни придумывала отговорки, смутная тревога, начавшаяся с дурацкой подколки про «парня», в которой в общем-то и не было никакого смысла, кроме того, что я прекрасно знала, как она его заденет, росла.

Мне приснился сон. Один из самых неприятных, постоянно повторяющихся снов. В этом сне я прихожу в школу в майке и трусах. Сначала все спокойно, и я ничего не замечаю, но наша классная (почему-то это всегда именно она) поднимает меня перед всеми и отчитывает за внешний вид.

Только тогда я соображаю, что забыла одеться. Мне становится очень стыдно, и я начинаю метаться, пытаюсь поскорее уйти из школы, но каждый раз по каким-то причинам не могу.

В этом сне была Мила. Выглядела она, как и в жизни, очень привлекательно: хрупкая, трогательная блондинка с чистой, обезоруживающей, в точности как у Амелина, улыбкой в пол-лица. Он вообще сильно походил на нее, только глаза у нее были светлые, а у него черные как бездна.

Там, во сне, Мила искала кабинет директора, но заблудилась в коридорах. Я сказала, что мне нужно поскорее домой, а она схватила меня за руки и стала умолять помочь ей. И я, хотя все еще слышала за спиной крики одноклассников: «Голая!», зачем-то побежала с ней по бесконечным лабиринтам коридоров и этажей, которых становилось все больше и больше, а из дверей классов, похожих на номера отеля, то и дело выскакивали люди и при виде меня кричали: «Голая!» Я изо всех сил пыталась натянуть майку ниже, а Мила только смеялась и говорила: «Хочешь, я научу тебя танцевать?» Этот сон никогда ничем не заканчивался. Выход из него всегда был только один – проснуться.

– Вечно тебе нужно все контролировать, – с упреком сказала Настя, когда мы сидели с ней на примерочных банкетках в магазине обуви, куда она устроилась на летнюю подработку.

Сидеть в торговом зале ей не разрешалось, но из-за дикой жары посетители не заходили к ним по несколько дней подряд.

Настя давно мечтала о большой любви и была уверена, что со мной случилась именно такая, а я этого не ценю. Она вообще осуждала меня за многое: за прямолинейность, за настоятельность, за то, что, когда мне было плохо, я не жаловалась, что порой не снимала наушники во время разговора и никогда не носила юбок.

Мне в ней тоже не все нравилось, однако мы хорошо ладили и за какие-то шесть месяцев, пожалуй, стали лучшими подругами.

– Но ты не можешь контролировать все. Бывают разные обстоятельства, неизвестно же, что произошло.

– Неизвестно. И это страшно бесит. Почему он не напишет или не позвонит? Не объяснит нормально?

– Значит, не может. Не понимаю, чего волноваться? Вот если бы он исчез на месяц или вообще ничего бы не писал, тогда да...

В магазине сильно пахло кожей и обувным кремом, но кондиционер работал на полную мощь и царил райская прохлада.

– А вдруг это из-за меня? – наконец высказала я свои давние опасения.

– Вы поругались? – от любопытства Настя оживилась.

У нее были длинные светлые волосы и густо обведенные черной подводкой голубые глаза. Лицо же миленькое, немного детское, бледное и хрупкое. Она напоминала нежную, но печальную коллекционную куклу.

– Не то чтобы поругались, но... – Объяснить было сложно. – Я просто пошутила, а он не понял и воспринял в своем духе, ну, как это у него обычно бывает.

– Но если он обиделся, то почему написал, что задержится?

– Вот и я не понимаю.

– А ты сама звонила ему?

– Да. Не отвечает.

– В таком случае почему бы тебе просто не поехать и не выяснить все самой?

– Куда поехать? В деревню?

– Куда же еще. Хотя... – Настя задумалась. – А вдруг он вообще никуда не уезжал? Сказал, что уехал, а сам сидит себе преспокойно дома и наблюдает, как ты дергаешься. Он же так может?

– Может, – признала я. Подобные психологические выкрутасы были вполне в стиле Амелина. – Но если он так сделал, то я... то я...

Я не знала, как поступлю в таком случае, но от одного только предположения дико разозлилась.

– Вот и сходи. Проверь, – назидательно посоветовала Настя.

– Но это как-то унизительно. Ходить проверять... Он же сейчас у каких-то ребят живет.

– Глупости. Что унизительного в том, чтобы проведать своего друга? Ну и, в конце концов, если ты виновата, то попросить прощения.

– Что? Прощения? Если он меня обманул, никаких прощений не будет!

Настя откинула назад волосы и меланхолично пожала плечами.

– Просто сделай что-нибудь. У тебя все равно куча свободного времени, – она тяжело вздохнула. – Счастливая. Хочешь – на море, хочешь – в деревню поезжай.

– Поехали со мной, – предложила я.

– Ну куда я поеду? – она обвела взглядом полки с обувью и пустой зал. – У меня же работа.

Мы еще немного посидели, и я, пообещав написать ей, если что-то узнаю, тут же отправилась туда, где последние пару месяцев жил Амелин.

До этого я была у него два раза, но дорогу запомнила отлично: соседний район, в одной остановке на метро от нас. Длинный белый десятиэтажный дом, третий подъезд с конца. На двери домофон. Я дождалась, пока из подъезда выйдет человек, и поднялась на второй этаж.

Дверь мне открыл высокий красивый парень с асимметричной стрижкой и пирсингом в губе. Их там было двое, и этого, кажется, звали Артем.

– Привет. Я к Косте.

Едва я успела это произнести, как откуда-то из глубины коридора, громко цокая когтями по паркету, вылетел крупнолапый щенок, похожий на овчарку, и бросился мне в ноги.

– Его нет, – Артем торопливо подхватил щенка на руки, и тот принялся брыкаться, пытаясь вырваться.

– А когда будет?

– Без понятия. Он мне не докладывает.

В голосе Артема недовольства не было, но борьба со щенком требовала всего его внимания.

– И давно его нет?

– Кажется, с пятницы или четверга. Не помню. Разве ты не в курсе?

– Я в Испании была. Он сказал, что в деревню поедет, но слышно было плохо.

– А, ну да, у него вроде бабушка умерла или что-то типа того.

– Как умерла? Она не старая, вроде.

Артем пожал одним плечом и крепко прижал щенка к себе, так что тот даже пискнул, но тут же притих.

– Люди в любом возрасте могут умереть.

– Понятно, – я не знала, что еще сказать, обдумывая неожиданное известие.

– Хочешь кофе? – ни с того ни с сего предложил он.

– Нет, спасибо. До свидания.

– Стой, погоди, – он развернулся и крикнул куда-то в сторону. – Витя, иди сюда.

В ту же минуту к нам вышла молоденькая девушка. Темноволосая, голубоглазая, очень миленькая, похожая на самого Артема. Сначала я подумала, что она его сестра, но по тому, как он хозяйски обнял ее, стало понятно, что нет.

– Пригласи человека на кофе, а то меня она боится. Это Тоня, подруга Костика.

– Здравствуйте, – очень официально поздоровалась девушка по имени Витя. – Проходите, пожалуйста.

– Я правда не могу, – ответила я. – Мне идти надо.

– Если что – заходи, – Артем опустил щенка на пол и захлопнул дверь.

Вечером я сказала маме, что хочу поехать к Амелину в деревню, потому что у него умерла бабушка и ему нужна моя поддержка, однако маму мои благородные порывы не сильно воодушевили, и она наотрез отказалась отпускать меня одну «в такую даль». Потому что ехать предстояло на электричке, и потом еще на автобусе, а я там никогда не была и легко могла заблудиться.

– Сейчас каникулы, позови кого-нибудь из ребят, – сказала она. – Мальчика какого-нибудь. Того симпатичного из вашего класса. Или кого еще. У тебя полно друзей. Одну я тебя не отпущу.

На Герасимова, чью фамилию мама никак не могла запомнить, рассчитывать не приходилось. Они с Петровым неделю назад уехали в Капищено, в дом герасимовского дядьки, а вот Якушину я позвонила сразу. У него была машина, и я считала его самым надежным парнем из всех. Но за целый день к телефону он так и не подошел и на эсэмэски не ответил. Поэтому пришлось звонить Маркову, но тот полностью оправдал мои ожидания:

– Я че, типа самая лучшая кандидатура на роль парня? Ты вообще понимаешь, Осеева, что, если к нам пристанут, тебе самой меня защищать придется? Не. Я пас. Ты не обижайся, но тащиться за тридевять земель по такой жаре – это совсем не мое.

– Послушай, Марков, тебе необязательно ехать со мной. Достаточно просто прийти и сказать моей маме, что поедешь.

– Если бы я не был с ней знаком, то без проблем, а так вдруг все вскроется? Как я ей потом в глаза смотреть буду?

– Ничего не вскроется. Она не узнает.

– Любой обман рано или поздно вскрывается. Короче, Осеева, если хочешь это дело нормально повернуть, найди кого-нибудь левого. Можешь даже денег ему предложить. Сделаешь вид, что вы сто лет знакомы, – и вопрос решен.

Обижаться на Маркова не имело смысла, он всегда был эгоистом и занудой. Но логика в его словах определенно присутствовала, так что, предприняв вечером еще одну тщетную попытку уговорить маму отпустить меня в деревню без сопровождения, я решила, что срочно должна отыскать кого-нибудь «левого».

Глава 2

Никита

– Ну что?

– Только вошел, – я устало кинул сумку на кровать.

– Отлично, тогда давай подваливай.

За три с половиной часа, пока я ехал из деревни от бабушки Гали, Трифонов успел позвонить раз пять и каждый раз спрашивал: «Ну что?» Ему не терпелось поговорить со мной о чем-то важном, но объяснять, в чем дело, он отказывался наотрез.

– Но, Тиф, я три часа пер на себе долбаный рюкзак с банками. Скажи так, а вечером зайду.

– Не. Я по телефону не умею, – в приглушенном, с ярко выраженной хрипотцой голосе послышалось разочарование. – Ладно, отдыхай.

Он всегда умел произносить обычные слова с такой интонацией, что они приобретали особый смысл. Вот и теперь его «отдыхай» прозвучало как-то унизительно, словно я безвольный слабак.

Зная Трифонова, я терялся в догадках. Вокруг него постоянно что-нибудь происходило. Тиф не то чтобы специально влезал в истории, просто они сами собой притягивались к нему. Удивить меня могло разве что ограбление банка или взятие заложников. И то лишь оттого, что это противоречило его жизненным принципам.

– Давай лучше ты ко мне! Моих нет. Соломин с бабушкой через три дня возвращаются. А отец с женой только в августе.

– Можно и так, – согласился он. – Но в шесть футбол.

Мы не виделись около двух недель, с тех пор как я раскидал документы по разным вузам и, не особо рассчитывая поступить на бюджет, свалил из города. Мама сразу объявила, что учиться я буду в любом случае, а папа ее поддержал. Они хоть и были в разводе, но продолжали общаться, как старые друзья. И в том, что касалось меня, почти всегда были заодно.

Как ни странно, результаты ЕГЭ у меня оказались вполне приличные, а вузы я выбирал без претензии на крутость. Мама хотела сделать из меня экономиста, но я решил, что лучше стану каким-нибудь менеджером, и за свое ближайшее будущее особо не волновался.

Рюкзак я разбирать не стал. Оставил на кухне. Пусть бабушка сама, когда приедет, возится. Пришлось три часа тащить его, проклиная за тяжесть и недоумевая, какой смысл в доисторическом закатывании банок и обмене ими. Одна бабушка летом мариновала огурцы, другая – по осени делала компоты, и они отправляли заготовки друг другу, словно дары дружественных государств.

В квартире стояла невыносимая жара и духота. Я распахнул окна во всех трех комнатах, и на восьмой этаж сразу ворвался суетливый шум улицы, дороги и не особо свежий, но легкий ветерок.

Я был рад, что вернулся. Я вообще в последнее время слишком многому был рад. Школа осталась позади, а других проблем еще не образовалось.

Едва успел принять душ, как заявился Трифонов в традиционных камуфляжных штанах и футболке без рукавов, из-под которой, изгибаясь, выглядывала голова большого черного дракона. С порога двинул меня кулаком в плечо и, резко отпихнув, оглядел с головы до ног.

– Какой-то вид у тебя, – он поморщился. – Чересчур довольный.

Ему я тоже был страшно рад. Кто бы мог подумать, что за пару недель успею так соскучиться по этой небрежной ухмылке и скрипучему голосу!

Тиф поднес свой локоть к моему, сравнивая цвет кожи:

– И загорел как черт.

– Целый день на улице, – оправдываясь, сказал я. – Котлеты хочешь? Мне с собой кастрюлю дали.

– Котлеты? Тащи.

Мы прошли в нашу с Дятлом комнату, и я достал из ужасной тряпичной сумки алюминиевую кастрюльку с котлетами. Бабушка Галя очень переживала, что целых три дня кормить меня будет некому.

– Греть нужно? – спросил я без особой охоты.

– Какое греть? Жара на улице, – Трифонов схватил верхнюю котлету, откусил и уселся на кровати Дятла. – Короче. Поедешь с нами завалы разгрести? У криворотовского отца знакомый по даче про нас спрашивал. Сказал, видел по осени, как мы сарай расфигачили...

Он засмеялся с набитым ртом.

Я тоже вспомнил, как ездили к Лехе Криворотову на дачу ломать старый сарай. Начинилось все хорошо, но закончилось полным беспределом. Раздолбали сарай в щепки, зато за два дня управились.

– Короче, у этого мужика то ли лагерь древний, то ли пансионат, я толком не понял, и там всё перестраивать собираются. Старые дома сносят. Нужно весь этот мусор строительный убрать, – говорил Трифонов быстро, азартно, глаза горели, и про котлету он временно забыл. – Если за три недели управимся, тысяч сто заплатит. Прикинь? Мигрантов брать не хочет, а бригаду нанимать – дорого. Я сначала думал, мы с Криворотовым вдвоем осилим, но оказалось, работы дофига и нужно еще людей подтягивать. Минимум двоих. Ну что? Как тебе? Деньги на четверых поделим. Все лучше, чем курьером. Я же теперь без мотика. Как придурок на метро катаюсь. А в этом лагере лес, свежий воздух, свобода... И никто над нами стоять не будет. Не, там сторож живет, но он к нам не полезет. Так Криворотов сказал.

– А кто четвертый?

– Значит, согласен? – Тифон откусил котлету. – Зашибись. С четвертым не ясно. Как дело до дела – никого не найдешь. Есть у меня один чел на примете. Помнишь Артема? С которым я в больнице последний раз лежал?

За прошедший учебный год Тифон успел побывать в больнице дважды. Один раз после пожара на недостроенной высотке, где я тоже был: просто повезло, что все остались живы, потому что история вышла реально стремная.² А во второй раз тупо разбился на мотике. Он там особо и не виноват был. В него джигит на Яндекс-такси въехал. Нет, конечно, Тиф очень тупо поступил, что вообще сел на мотик, зима же, но он всегда такой – всё нипочем. Решил – недалеко. Торопился. Вот и переломался. Не смертельно, но весь март в больнице провалялся.

– Который из них? К которому девчонка с красными волосами ходила? Суицидник? Или тот выпендренчик, что с тобой на щелбаны спорил, кто из вас больше воды за раз выпьет и не блеванет? И ты со своими переломами заколебался в сортир ползать?

– Ага, он самый, – Тифон заржал. – Но щелбаны я ему знатные потом закатал. На самом деле арбайтен это вообще не его тема, потому что на жизнь ему точно хватает, но он фанат всякого движа. Договорились на завтра. Встретимся, обсудим. Не хотел бы – сразу отказался.

– Я точно поеду, – я тоже взял котлету. – Моя мама мечтала на подработку меня отправить. В воспитательных целях. А когда ехать?

– В четверг, – он вытер руку о штаны. – Леха со своей дачи в среду приезжает. Это, вроде, недалеко. Подмосковье. Километров сорок, и станция рядом.

– Идеально, – обрадовался я. – Бабушка с Соломиным тоже в среду вернутся, так что свалю с чистой совестью.

² И. Мартин. То, что делает меня.

А потом Тиф попросил включить телик, потому что там начинался футбол. Я наделал попкорна в микроволновке, и мы ели его и смотрели «Спартак – Зенит». Лучше бы пива выпили, но Трифонов не пил ничего крепче кефира, поэтому я тоже не стал. Он считал, что раз отец его алкоголик, то и у него самого дурная наследственность. Что в общем-то для всех было хорошо. Тиф и по-трезвому покладистым нравом не отличался, а когда пил, превращался в вагон динамита, готового рвануть в любую секунду.

На самом деле тема с его отцом была мутная, и тот алкоголик, которого он долгое время считал своим отцом, приходился ему просто отчимом, но Тиф этого не знал. Догадывался, конечно, но упорно делал вид, что не в теме.

А я знал и помалкивал, потому что клятвенно обещал Ярику Ярову – еще одному нашему однокласснику, замешанному в этом деле, что без его разрешения ничего не скажу. Просто Ярик сначала сам мне про это рассказал, а на следующий день уже передумал.

Игра была скучной, весь первый тайм по нулям, и я, утомленный дорогой, задремал, а проснулся – Трифонов собирался домой. Я предложил ему остаться, но он не захотел.

– А что Зоя? Она где? – весь вечер я терпел, а тут напоследок не выдержал.

– На даче своей, где же еще. Типа матери с ребенком помогает, – Тифон недовольно передернул плечами. – В прошлом году я к ней чуть ли не каждый день туда мотался, а теперь без мотика только в выходные получается. Так уйду – и не заметит.

Чтобы попасть в свое МЧС, осенью Тиф собирался в армию.

– Тебе же только в октябре. Еще два месяца.

– Дело не в этом. Сама завела меня, а теперь такая: «Хватит нависать». А как я нависаю? Что хочу ее видеть? Что меня бесит, когда я не знаю, с кем она там тусит? Помнишь ее дачного кренделя? Вот честно, закопаю уroda.

От этой темы Трифонов распалился с пол-оборота. Даже когда они с Зоей еще не встречались, он без конца контролировал каждый ее шаг, а после того, как все закрутилось, стал невыносимым. Даже на нас с Лехой злился, если долго разговаривали с ней, на маму ее злился, которая приезжала в Москву с дачи в лучшем случае раз в месяц, на школу злился, на экзамены, на кино и книги, на все-все, что отвлекало ее мысли и внимание от него.

– Ну вот что ей в Москве в такую жару делать, сам подумай? – сказал я. – Представь, тебя мать помогать напрягла, ты бы ее послал?

Он посмотрел на меня, как на дебила.

– Давай, до завтра, – пожал мне руку и вышел.

В Зою я был влюблен с того самого момента, как только увидел на школьной линейке Первого сентября. В короткой расклешенной юбке, на высоченных каблуках, с копной небрежно забранных наверх вьющихся рыжих волос она показалась мне богиней.

Я очень хотел, мечтал быть с ней и даже получил скромный шанс, однако затмить в ее глазах Трифонова мог, наверное, лишь кто-то не менее крутой, чем он сам. А я крутым не был.

С Зоей мы переписывались, но редко. Не так, как раньше. В основном я смотрел ее фотки в Инстаграме: Зоя собирает клубнику, Зоя поймала ежа, Зоя с годовалой сестрой Соней, букет из ромашек, закат розовый, закат голубой, Зоины волосы горят огнем в рассеянном свете солнечных лучей, Зоя в соломенной шляпе и темных очках, Зоя с друзьями на великах, Зоин зрачок, Зоя в легинсах фоткает себя в огромном старом зеркале.

Все как у всех. Но ее фотографии, даже незамысловатые пейзажи, я мог разглядывать часами, невольно представляя, будто нахожусь там с ней.

Наверное, я все еще ее любил.

Артем жил в Измайлово. Недалеко от метро. Район у них был поприятнее, чем наш. Зеленый и не такой пыльный. Приехали мы за десять минут до встречи, но Трифонов забыл,

как идти, поэтому плутали по дворам около получаса. Все это время я просил его позвонить, но он лишь недовольно фыркнул «уже почти пришли» и «сам найду».

В конечном счете я просто сел на бордюр и сказал, что не пойду, пока он не узнает точный адрес.

Они встретили нас около подъезда. Артем, его девчонка и друг. Стояли возле лавочки, поджидали, а завидев, стали прикалываться над тем, что мы заблудились «в трех соснах».

Артем был старше и весь из себя красавчик: с косой черной челкой, голубоглазый, высокий, в широкой черной майке-алкоголичке и капри с накладными карманами. На шее – цепочка, в нижней губе пирсинг, на большом пальце толстое серебристое кольцо. Предплечье правой руки, наподобие браслетов, охватывали две татуированные полосы.

Я его еще по больнице помнил. Держался он дружелюбно, но откровенно заносчиво. И, если бы не Тиф, я бы напрягся, однако тот сразу предупредил: «Артем языкастый и заводной, но не бери в голову. Он нормальный чел». А Трифонов редко о ком говорил «нормальный».

А вот его девушка со странным именем – Вита, в коротком голубом платице на пуговицах и белых скетчерсах, скромно прижимавшаяся к нему, показалась мне чересчур застенчивой и мелкой. Класс девятый от силы.

Познакомив нас, Трифонов поинтересовался, как у нее дела в школе, и она так засмутилась, что он и сам смутился. Но все время, пока мы там стояли, Артем то и дело целовал ее и не выпускал из объятий, то ли боясь, что она растает, то ли хвастаясь перед нами, что она «его».

Второй же парень, Макс, отчего-то понравился мне сразу. Внимания он к себе особо не привлекал и выглядел обычным пацаном: немного обросшим, рыжеватым, в длинных шортах и футболке, спокойным, мягким, без пафоса. Разговаривал мало, тихо и по делу, а услышав про лагерь, сразу сказал, что тема прикольная.

– Что скажешь? – Артем посмотрел на Виту.

Но Трифонов даже не дал ей и рта раскрыть:

– Сдурел? Там для девок ничего не приспособлено. Лес, комары и сортир на улице.

– Ну тогда я – пас, – Артем обхватил Виту сзади и уперся подбородком ей в макушку. – Мне ребенка оставить не с кем. Вон, Котика берите. Ему ползать и попрыгать только в кайф. Макс растянул улыбочку и согласно кивнул. Так я понял, что Котик – это он.

– А как добираться?

– На своих. Хозяин сказал, что не сможет забрать, – ответил Тифон.

– У тебя есть хозяин? – насмешливо удивился Артем.

– Хозяин лагеря, дебил.

– Сколько нас будет? – поинтересовался Макс.

– С тобой четверо. Мы с Никитосом и Леха Криворотов еще. Помнишь его?

Макс не ответил, но рассмеялся, и стало ясно, что помнит.

Рассеянно слушая их болтовню, я бессмысленно глазел по сторонам и девчонку с красными волосами приметил издали. Лица еще различить не успел, а уже стопудово знал, кто это.

Ее звали Тоня. Мы с ней в больнице познакомились, когда я к Тифу приезжал. Невысокая, но ладная и быстрая, будто вся на заведенной пружине. И лицо хорошее, располагающее. Шла она решительно, по-деловому, в наушниках, ковыряясь на ходу в телефоне. Я с интересом оценил ее загорелые голые ноги в кедах, короткие джинсовые шорты и уже собирался окликнуть, как она сама свернула к нашему подъезду и, подняв голову, молча остановилась.

Разговоры прекратились. Все так же молча уставились на нее.

– Привет, – сказала она.

– Привет, – в один голос откликнулись мы с Артемом.

– Этот не появлялся?

– Не-а.

– Звонит хоть?

Глаза у нее были зеленые.

– Зачем? Мы ему что, родители?

– Ясно, – Тоня помялась, собираясь сказать что-то еще. Все ждали. – Слушай, Артем, мне срочно нужен парень.

Артем недоверчиво вскинул одну бровь:

– Вот это поворот. Всего один?

– Не меньше одного.

– Прости, но я уже занят, – он стиснул Виту так, что та ойкнула. – А этих хоть всех забирай. Сегодня акция. Три по цене одного.

– Мне на время. Просто помощь нужна, – Тоня покосилась на меня.

– А что делать-то? – подключился Тифон.

– С мамой поговорить, чтобы она меня из дома уехать отпустила. К Амелину.

– Ну нет, – Трифонов достал сигареты и прикурил. – Если что перенести или в лоб кому дать – зови, а с мамами... это вообще не мое.

– Никита, – Тоня вдруг резко повернулась ко мне, – ты идеально подходишь. Пожалуйста, поговори с моей мамой. Делать вообще ничего не придется. Просто прийти и сказать, что поедешь со мной. Ехать на самом деле не нужно, только сказать. Иначе они меня опять в розыск объявят.

– О, точно, Никитос идеальная кандидатура. – Трифонов хлопнул меня по спине так, что я закашлялся. – Моя мама его обожает.

– Идем?! На метро до моего дома отсюда десять минут. – Тоня смотрела прямо в глаза, как если бы хотела меня в себя влюбить, но когда она говорила с Артемом, а потом с Тифоном, то и на них смотрела так же. Это была очень странная и волнующая манера. И я, может, согласился бы, если бы не услышал сдавленные смешки за спиной. Оглянулся – и парни загоготали в голос.

– Давай завтра, – сказал я как можно небрежнее. – К разговору с мамой нужно подготовиться.

– Точно? – она прищурилась.

– Обещаю.

– Спасибо. Я пришлю тебе адрес. Родители приходят около восьми. Сможешь?

Я вспомнил, что завтра вечером как раз возвращаются бабушка с Дятлом и я, пожалуй, буду счастлив свалить на часок из дома.

– Да, конечно.

Тоня попрощалась со всеми и ушла. Какое-то время мы все смотрели ей вслед, после чего Артем ткнул «зависшего» Макса в плечо:

– Что, Котик, ниче так шортики?

– Может, я с мамой поговорю? – задумчиво сказал Макс.

– Нет уж, – торопливо ответил я и с плохо скрываемой гордостью добавил: – Она сама меня выбрала.

– Да ты особо губу не раскатывай, – одернул меня Артем. – У нее с суицидником нездоровая зависимость.

– В смысле?

– Ну любовь такая, что до смерти, – он громко рассмеялся и снова стиснул свою подругу. – Вот как у нас с Витей.

– Ребят, – в первый раз за все время подала она голос. – Мы на концерт опоздаем.

С Трифоновым я познакомился чуть меньше года назад, но за это время он успел настолько прочно обосноваться в моей жизни, что иногда казалось, будто присутствовал в ней всегда. С его появлением все очень сильно изменилось. Особенно я сам.

До него вокруг меня царили сплошной хаос и неразбериха: у мамы родилась Алленка, и они с Игорем отправили меня жить к отцу, с бабушкой, его новой женой Аллочкой и ее сыном, Ваней Дятлом, которого я на тот момент терпеть не мог. В голове у меня все перемешалось, а в душе царил полный раздрай.

Я болтался одинокий, неприкаянный и никому не нужный. У меня не было никаких особых привязанностей или амбиций. Просто бестолково маялся, не зная, чем заняться и куда приткнуться, чтобы наконец все успокоилось.

Трифонов же был надежный и цельный, не без своих заморочек, конечно, но его уверенность и твердость притягивали всех без исключения, и я вцепился в них с отчаянием утопающего. Ни с кем и никогда я не чувствовал себя так спокойно, как с ним.

Мы купили по дороге здоровущий арбуз и отправились к Трифонову, но как только вошли во двор, он вдруг остановился и, отрывисто бросив: «Идем к тебе», торопливо почесал в другую сторону. Я припустил следом.

– Что случилось?

– Мужика у подъезда видел?

Я обернулся. У подъезда стоял довольно приличного вида мужчина лет сорока в яркой гавайской рубашке с попугаями.

– Ну.

– По мою душу. Раз пятый приходит.

– Зачем?

– Без понятия.

– Чего тогда нычешься?

– А то, что у меня с такими типами дел никаких быть не может. Мать про него ничего не знает, Зойка тоже, а остальное побоку. Не нужны мне сейчас напряги.

– Может, он с хорошим пришел?

– Хорошим? – Тифон хрипло рассмеялся. – Издеваешься? К тебе кто-нибудь приходил с хорошим?

– Может, у тебя какой-нибудь родственник-миллионер откинулся, и этот чувак пришел наследство предложить?

– Ага. Сто раз. Если честно, даже знать не хочу, что за тема.

– Накосячил?

– Специально не косячил, а там кто его знает?

У Тифона была удивительная способность в любых, даже самых мелких ситуациях, попадать в какие-нибудь истории.

Иногда эти истории заканчивались благополучно, как, например, с катанием в метро, когда мы вместо того, чтобы выйти на конечной, остались в пустом вагоне.

Леха заверил, что поезд просто описывает круг и выезжает на противоположной платформе, и что они сто раз так делали по приколу. Мы действительно всего лишь проехали через тоннель, как от одной остановки до другой, ничего интересного, но на станции нас запалила тетка-дежурная и пришлось сломя голову мчать от нее и полицейских.

Но случилось так, что на самом верху, перемахнув через турникеты, Трифонов сбил с ног мелкую девчонку с кошачьей переноской. Девчонка упала, кошка выскочила, и, вместо того, чтобы уматывать, Тиф кинулся ловить кошку. Полицейские тоже стали ловить кошку. Часа два ловили, пока та с перепугу не шмыгнула в закрывающиеся двери уходящего поезда, куда Трифонов, следом за ней, успел заскочить.

В итоге, кошку он таки поймал и вернул хозяйке, все обрадовались и о «злостном нарушении» забыли.

Однако гораздо чаще какой-нибудь пустяк, вроде глупого баловства в бутике, тянул за собой дурацкие последствия.

В тот день мы отправились в торговый центр с Зоей. Она долго сопротивлялась, зная наперед, чем такое обычно заканчивается, но я тогда еще не знал, поэтому сначала не понял, почему, как только прозвенел звонок с последнего урока, она так быстро рванула в раздевалку, схватила пальто и попыталась незаметно выскочить из школы.

Мы решили пойти посмотреть, что она будет делать. Дошли до магазинчика с косметикой в торговом центре. Зоя остановилась возле полки с помадой, мы спрятались за стеллажом. Леха сказал что-то вроде: «Переходим к плану Б», – и куда-то исчез, а потом нарисовался уже рядом с Зоей. Она подняла голову и как закатится на весь магазин!

Лехино лицо целиком, даже губы покрывал густой слой чего-то очень жирного и белого, глаза же по самые брови были вымазаны черной краской. Зрелище смешное и жуткое.

Моментально к нам подскочили две продавщицы и принялись зло ругаться на Леху, а потом и на нас. Тифон сказал, что этого придурка мы видим в первый раз. Оскорбившись, Леха схватил с полки флакончик духов и брызнул ему в лицо. Тиф тоже немедленно вооружился и выпустил в Леху ответную струю.

Продавщицы громко раскричались, одна побежала за охранником, а вторая отбирала у парней флаконы, но те хватили другие и перестреливались ими.

Еще секунда – и нас поймали бы два здоровых охранника, но мы успели смотаться.

Однако через два дня к Трифонову заявился управляющий того магазинчика и стал требовать компенсацию за причиненный ущерб. Оказывается, Тифона опознали на записи камер наблюдения, а в районе почти каждая собака знала, где он живет.

Трифонов, конечно, не дурак, сразу понял, что его разводят. Если за такое полагается отвечать, то не управляющий к нему бы пришел, а полиция. Так что он сказал, что ущерба никакого не было, ведь брызгались мы из пробников, которые предназначены для бесплатного использования. Но, видимо, сказал он это не слишком вежливо, потому что управляющий обиделся и потом еще долго писал какие-то жалобы то в школу, то в полицию. К счастью, на фоне всего остального, происходившего в то время, никому до этого дела не было.

– Чего улыбаешься? – Трифонов подозрительно покосился.

– Вспомнил, как вы духами брызгались.

Он кивнул и задумчиво хмыкнул.

– Вот-вот. От чужаков ничего хорошего не жди.

Глава 3

Вита

Летом Москва совсем другая. Она становится тише и ласковее. Многие уезжают за город, на курорты или к себе домой в регионы. Привычный бешеный темп замедляется, и жизнь делается проще.

Для того чтобы выйти из дома в магазин, не нужно напяливать кучу одежды и опасаться встретить кого-нибудь нежелательного, вроде одноклассников или учителей.

А когда ты счастлив, никакая жара не способна испортить чудесного настроения. Идешь и радуешься всему подряд: зеленому человечку на светофоре, свежим, только высаженным в длинные коричневые горшки петуньям, рекламным щитам на дороге, обрывкам чужих разговоров, автомобильным сигналам, самому себе в отражении зеркальных витрин.

Даже полные пакеты с продуктами не кажутся тяжелыми, потому что это всего лишь груз, удерживающий тебя у земли. Иначе от переполняющих чувств ты можешь взмыть в воздух как воздушный шарик и случайно унести в небо.

Я уже перешла на свою сторону дороги и свернула к дому, когда возле меня притормозила и медленно покатила большая белая, сверкающая чистотой машина.

Какое-то время я шла, стараясь не смотреть на нее, но потом повернула голову, и водительское стекло опустилось.

– Давай подвезу, – за рулем сидела Полина Кострова.

Условно говоря, Полина считалась невестой Артема. До того как его родители погибли, их семья жила по соседству, дружили и собирались породниться.

Полина была старше Артема на четыре года, и мы с ней никогда не разговаривали. Как-то раз, когда я приезжала к нему в родительский загородный дом, Артем познакомил нас, но она, высокомерно кивнув, сразу же отвернулась и больше меня не замечала.

– Не нужно, спасибо, – попыталась отказаться я. – Тут недалеко.

Быстро закинув руку за свое сиденье, Полина открыла передо мной заднюю дверь.

– Клади сумки сюда, а сама давай ко мне.

Я послушно оставила пакеты и села в машину.

– Помнишь меня?

Она была красивая и эффектная. С большими светло-кариими глазами, высоким лбом и гладкой, матовой кожей. Темные волосы забраны наверх, как у Анджелины Джоли, на обеих руках по золотому браслету, на безымянном пальце левой руки тонкое колечко с похожим на бриллиантик камушком.

– Да, конечно. Просто неожиданно.

Машина медленно поехала. Сзади на вешалке в темно-синем чехле мерно раскачивалась какая-то одежда.

– Как дела? – спросила Полина так, словно мы старые знакомые.

– Спасибо, все хорошо. А у вас?

– У меня по-всякому. Вчера еще нормально было, а сегодня уже отвратительно. Наш общий друг умеет создавать проблемы на ровном месте.

– Что-то случилось? – забеспокоилась я.

– Слышала, что вы с ним в Диснейленд собрались.

Я растерялась. Мы придумали Диснейленд вчера, когда вернулись домой с концерта. Точнее, я придумала. Совершенно случайно, заранее ничего не планируя.

Перед глазами явственно встал вчерашний вечер.

В окнах моей квартиры горит свет. Мама не спит и может ждать хоть до утра.
– Давай постоим, – Артем отводит меня в сторону, пропуская Макса в подъезд.
– Я обещала до двенадцати дома быть, а уже половина первого.
– Десять минут ничего не решат. Нет, пятнадцать... А лучше ты зайдешь домой, скажешь, что вернулась, и мы спокойно пойдем к нам... Пить кофе и целоваться.
Тень от дерева на его лице дрожит, а пристальный взгляд требует согласия.
– Мама все равно не заснет.
– Мы слишком мало видимся.
– Артем, – его обиженный тон забавляет меня, – мы видимся каждый день с утра до самого вечера.
– Этого мало. Неужели ты сама не замечаешь, как это мало?
– Замечаю.
– Тогда давай уедем куда-нибудь? – он резко прижимает мои локти к стене.
– Ну куда мы уедем? К тебе в дом? У тебя там настроение портится, и Костровы за нами следят.
– Куда скажешь, туда и уедем. Выбери любое место. Какое угодно.
– Перестань выдумывать. Мне и здесь хорошо.
– Куда бы тебе хотелось? Дубай, Бали, Мальдивы. Можно в тур по Европе. Нет, тур не нужен. Пусть будет одно место. Не хочу ни на что отвлекаться. Ну! Витя! – Он нетерпеливо трясет меня за плечи. – С твоей мамой я договарюсь. Давай решайся. Это будет незабываемое приключение.
– У меня уже было незабываемое приключение.³
– Тогда я выберу сам. И ты пожалеешь. Завезу в лесную глушь и буду держать в кандалах и на привязи. Ну же!
Если Артему что-то приспичило, переубедить его невозможно.
– Хорошо. Только обещай не смеяться.
Он театрально взмахнул рукой.
– Любое желание.
– Точно?
– Клянусь!
– Я хочу в Диснейленд.
Азартное воодушевление на его лице мгновенно меняется на скисшую мину.
– Это же для детей, Витя.
– А говоришь, любое.

...Полина насмешливо фыркнула.
– В твоём возрасте, – она сделала выразительную паузу, – сложно понять ряд очень важных вещей, но ситуация обстоит так, что Артем, которому уже давно не семнадцать, нигде толком не учится и не работает.
– Он работает, – вступиться за Артема было значительно проще, чем за себя.
– Не смехи. Помощник тату-мастера? С его-то способностями? Человек просто раздолбай и бездарно прожигает время. Когда ты только появилась и он вернулся к музыке, мы были рады тебе. Но сейчас снова все пошло наперекосяк. Артем частенько увлекается до такой степени, что у него отказывают тормоза. Нет, он, конечно, играет, но слишком мало для того, чтобы расти и двигаться вперед.

³ И. Мартин. Время. Ветер. Вода.

Ты вообще задумывалась, что с ним будет дальше? Когда он потратит все деньги и останется ни с чем. Отец не станет его тянуть. Просто представь, что может произойти с таким, как Артем... Наркотики и алкоголь...

– Он сдал экзамен и переводится в консерваторию. С сентября будет учиться.

– Я хочу сказать тебе одну вещь, но поклянись, что она останется между нами и Артем о нашем разговоре не узнает.

Я поторопилась кивнуть.

– На данный момент денег у Артема осталось немного. И в том, что он все не растратил до сих пор, исключительно заслуга моего отца. Так что, если тебе не все равно и не безразлична судьба Артема, ты должна сделать правильные выводы.

До меня постепенно начало доходить, к чему клонит Полина, и я перепугалась до ужаса. Мы свернули в наш двор и остановились в торце дома.

– Я не смогу этого сделать, – тихо, но уверенно проговорила я.

– Чего ты не сможешь? – Полина подозрительно покосилась на меня.

– Я не могу с ним расстаться. Никак. Простите.

– Что? – резко вскинув брови, она рассмеялась. – Я бы не стала просить о таком. Ты, наверное, думаешь, что мы с отцом его враги? Но это не так. Я же Тёму с самого детства знаю.

Она достала из сумочки телефон и принялась что-то искать в нем.

– Артем – наша семья, мы его любим и сильно волнуемся. Я очень рада, что он выбрал тебя, а не какую-нибудь пронырливую стерву, которая раскручивала бы его на деньги.

Именно поэтому я и решила, что нам с тобой нужно поговорить. Просто объясни ему, что с отдыхом пора заканчивать. Вот смотри.

На экране ее телефона была их старая фотография. Ей лет двенадцать, ему восемь. Оба по-детски худые и трогательные, шурились от солнца на крыльце загородного дома. Он в черном концертном костюме. Она в пижаме с пони и его виолончелью в руке.

– Можешь полистать. Там еще есть.

Но я вернула телефон.

– Вы должны будете пожениться потом?

– Все это родительская чепуха. Не беспокойся. Он же в тебя влюблен. До этого Тема был влюблен всего один раз. Лет в пятнадцать. Но там как-то неудачно получилось. Поэтому сейчас он совершенно не в себе, и тебе нужно это правильно использовать. Ради него. Ради вас. Да что ты так расстроилась? – Полина участливо взяла меня за руку. – Просто поговори с ним. Скажи, что подумала, и сейчас вы не можете никуда ехать. Скажи, что ему стоит задуматься о будущем, о работе. Дай-ка сюда свой телефон.

Я достала мобильник и протянула ей.

– Вот тебе мой номер. Если будут какие-то вопросы или проблемы – звони, не стесняйся. Вместе обсудим и решим. Хорошо?

Я выползла из машины, чуть было не забыв свои сумки. Внезапно они оказались очень тяжелыми.

Мама сидела на кухне, и у нее громко орали новости из Ютуба. Родители хоть и избавились от телевизора, смотреть политические ужасы не перестали.

«Российская экономика не растет, доходы населения сокращаются... Зарплаты постепенно падают и будут продолжать падать... Напомним, что к две тысячи двадцатому году аналитики прогнозируют новый глобальный кризис...»

– Вита?! – Мама нервно остановила видео и сразу взялась за сумки. – Сколько стоила печенка?

– Не помню.

– Ну, Виточка, я же просила смотреть на цены.

– Там чек есть.

Она что-то говорила еще про творог и молоко, но я почти не слышала.
– Пойду прогуляюсь.

Появление Полины тяготило. Деньги, работа, будущее...

Нам с Артемом просто было хорошо вместе.

Ежедневно я приходила будить его в десять, мы жарили тосты, пили кофе и сидели в своих телефонах. Не каждый сам по себе, а вместе. Это совсем другое. Макс тоже завтракал с нами, и тоже сидел в телефоне, но он был сам по себе.

А порой, когда Артем ленился и отказывался вставать, я запускала к нему в комнату Лану, и та скакала по кровати и лизала его до тех пор, пока он не поднимался, чтобы выставить ее за дверь. После чего хватал меня, кидал на кровать, и мы пол-утра не вылезали из нее, не в силах оторваться друг от друга.

Во всей квартире у них стояли кондиционеры и царила блаженная прохлада, выходить на улицу не хотелось, но Макс все равно вытаскивал нас куда-нибудь. То в парк, то в конюшни, то в Серебряный бор – купаться. А по вечерам мы отправлялись или в кино, или в гости к знакомым Артема, или просто гуляли по городу.

Мне и не нужно было куда-то уезжать. В моем сердце еще не освободилось место для новых переживаний и впечатлений, оно было с лихвой переполнено происходящим.

Мама считала, что Артем для меня «слишком взрослый», «слишком красивый», «слишком раскрепощенный» и что я совершенно помешалась на нем. Ее сильно смущали и пирсинг, и тату, и его так называемый «жизненный опыт», но даже она смогла «закрыть на все это глаза» и оставить нас в покое.

О том, что деньги могут закончиться, я никогда не задумывалась. В нашей семье говорить о деньгах было не принято. Мама с папой воспитывались еще в то время, когда погоня за достатком осуждалась и, хотя мама постоянно жаловалась на цены в магазинах, жили мы всегда благополучно.

Артем же, в общепринятом понимании, был типичным мажором и сорил деньгами направо и налево без сожаления. Однако делал он это не от глупости или чрезмерных запросов, а специально, как бы со зла, из-за постоянного чувства вины, связанного со смертью родителей. Приличное наследство жгло ему руки и совесть.

Что было сродни его вечной тяги к риску и саморазрушению.

Акробатические выходки на узком парапете многоэтажки, лихое катание на роликах по проезжей части между машин, постоянные провокации агрессивных настроенных компаний, зажигательные танцы на краю перрона перед прибывающим поездом.

Он рисковал все время. Нарочно и совершенно бездумно.

Раз притащил откуда-то машинку для мыльных пузырей. Большую черную металлическую коробку, внутри которой вращалась выпускающая фонтан пузырей лопасть. Договорившись с дворником, мы отправились на крышу соседней многоэтажки опробовать ее.

Было часа четыре, солнце жарило нещадно, рубероид под ногами плавился, пахло горячим цементом и резиной, но вид с крыши открывался изумительный, и, когда машинка заработала и пузыри, переливаясь, взмыли вверх, произошло маленькое чудо. Мы все втроем несколько минут стояли, запрокинув головы, и, затаив дыхание, следили за сверкающими шариками.

А потом парни начали дурачиться. Макс гонялся за пузырями, то лопаю их, то пытаюсь поймать целыми, Артем же, забравшись на узкий парапет, встал спиной к краю крыши и попросил меня сфотографировать его в облаке парящих пузырей.

Малейшее неловкое движение, и он легко мог сорваться вниз. Ухватиться было не за что, и в случае чего ни я, ни Макс добежать бы не успели.

– Слезь, пожалуйста, – попросила я.

- Все нормально, – беспечно отмахнулся он.
- Артем, я тебя очень прошу.
- Ой, ну хватит. Давай фоткай, и я слезу.
- Пожалуйста!
- Не будь ребенком, – его любимый аргумент. – У меня все под контролем.

Поднял руку и помахал.

Перед глазами пронеслась картинка, как он в мгновение ока исчезает с той стороны.

Я обернулась на Макса, но тот, вместо того чтобы поддержать меня, тоже заскочил на этот бортик и, точно так же балансируя руками, двинулся навстречу Артему.

- Но я не хочу!
- Артем нарочно занес ногу над пустотой.
- Если я упаду, в моей смерти будешь виновата ты.

...Больше часа я гуляла по пыльным, изнемогающим от жары улицам, а когда вернулась, увидела его на лавочке возле подъезда. Он сидел в домашней майке, тапочках, с чашкой дымящегося кофе. Ждал.

– Где ты была? – отставив кофе, потянул за руку и усадил рядом.

– Гуляла.

– Кто это тебя отпустил? – шутливо нахмурившись, он убрал мои волосы с шеи и поцеловал.

– Просто подумать хотела.

– Что-то случилось?

– Нет.

– Ладно, рассказывай. Я же вижу, – он откинулся на спинку лавочки.

– Знаешь, я тут подумала... Не нужно нам никуда ехать.

Артем тут же выпрямился:

– Как это? Я уже все решил.

– Сейчас не самое лучшее время... Столько всего...

– Чего «всего»?

– Проблем разных.

– Что случилось-то?

– Пусть все идет, как идет. Можно же так?

– Можно и так, а можно лучше.

– Лучше не будет, – не решаясь поднять глаза, я взяла его за свободную руку и поводила пальцем по ладони. – Когда пытаешься сделать лучше, всегда нарушается то, что есть. А я боюсь что-то менять.

– Ты напоминаешь свою маму, которая тоже боится всего подряд.

– Неправда!

– Правда. Сначала ты не хочешь ничего менять, а потом тебе страшно выйти из дома.

– Дело не во мне.

– В чем же еще? – он недоверчиво усмехнулся.

Я старалась смотреть куда угодно: на фонарный столб, на застрявший в ветвях деревьев белый пакет, на мужчину в сетчатой майке, лишь бы не на него.

– Тебе стоит больше заниматься. Репетировать. Нужно много работать, чтобы вернуть форму и достойно заявить о себе, – на автомате повторила я слова Полины.

– Что-о-о? – положив руку мне на затылок, он развернул мою голову к себе. В глазах читалось безграничное удивление.

– У тебя полно дел, а я отвлекаю.

– Ты на что-то обиделась?

– Конечно, нет, – в подтверждении я прижалась к нему и пробубнила последние слова ему в плечо: – Но ты должен думать о будущем.

– Чего ты такое болтаешь? – первое удивление прошло, и в его голосе послышалось недовольство. – Слушай, Витя, какие-то темы у тебя подозрительные. Кто с тобой разговаривал? Твоя мама? Костров?

Ситуация – хуже не придумаешь. Врать я совсем не умела.

– Просто я хочу, чтобы у тебя все было хорошо.

– У меня все хорошо.

– Это сейчас хорошо, но, если ты не будешь ничего делать, станет плохо.

– Прекрати нести чушь, иначе я разозлюсь, – и он, ухватив меня, принялся целовать так, словно я примитивное, неразумное создание, застрявшее где-то на низших ступенях эволюции.

С трудом высвободившись и чуть не опрокинув чашку, я вскочила.

– А что, если у тебя вдруг закончатся деньги и не на что будет жить?

– Так, Витя, последний раз предупреждаю, – он угрожающе наставил на меня палец. – С этим не лезь. Как и на что я живу и буду жить, никого не касается. Ясно?

– Мне самой неприятно об этом говорить. Просто ты спросил, о чем я думала.

– А теперь скажи честно, кто вбил этот бред тебе в голову? Мама? Костров?

– Я сказала только, что, если у тебя есть дела и работа, ехать отдыхать неразумно.

– Неразумно, – он насмешливо фыркнул и сделал глоток кофе. – Что разумно, а что нет, решать мне. Короче, ты сейчас просто рассказываешь, кто тебя на это надоумил, и будем считать, что ничего не было.

Я очень боялась с ним поссориться, до тошноты, до головокружения, до холодной дрожи в коленях, но я уже поклялась Полине сохранить наш разговор в тайне.

– Я и сама понимаю, что...

– Сама? – раздраженно перебил он. – Я так ценю в тебе честность, Витя, а сейчас ты бесстыдно врешь.

– Я не вру.

– Так кто? – Он подался вперед и уперся локтями в колени. – Кто сказал тебе, что я должен, а что не должен?

– Пожалуйста, не говори со мной, как с уборщицей.

Он отставил чашку и поднялся. Сделал шаг навстречу, взглянул на окно, из которого моя мама любила время от времени высматривать нас, и остановился.

– Витя... – Взгляд был пристальный и неласковый. – Если ты сейчас же не скажешь мне правду, пеняй на себя.

Он все еще улыбался, но я чувствовала, что на этот раз все серьезно.

Я готова была расплакаться от бессилия, но пойти на попятную никак не могла.

Артем немного подождал, потом забрал со скамейки чашку и, громко хлопнув металлической дверью, исчез в подъезде.

Глава 4

Никита

Папа считает, что в восемнадцать все хотят изменить мир.

Но это он по себе судит. Мне, например, такое в голову не приходило. Пытаться изменить мир – смешно. Тысячелетиями он такой, какой есть: равнодушный, злой и несправедливый. Всемирная история – сплошные войны, революции, перевороты и казни.

Многие люди пытались сделать его лучше, но все они закончили весьма плачевно.

Еще в четвертом классе я услышал про смерть Архимеда и больше ничему не удивлялся. Во время захвата Сиракуз римляне убили его просто так, мимоходом, как собаку, попавшую под ноги. Для них он был обычный бессмысленный старик, рисовавший на песке странные чертежи.

Архимед – крошечная жизнь одного великого человека, а сколько было не великих?

Даже большая победа, повернувшая ход исторических событий, мир не меняет. Он не становится другим, в нем не появляются новые ценности или задачи, он точно так же продолжает вариться в бесконечном людском противостоянии, жажде власти, денег, погоне за удовольствиями.

Недавно я наткнулся на статью о рабстве в наше время: все то же самое, что и в античности, только в сто раз хуже. И это не какие-то отдаленные регионы в Азии или отсталые африканские племена. Все кипит на виду – в центре цивилизации, что, собственно, понятно, иначе бы и бизнеса не было. Человеческие жизни в обмен на сытный ужин в ресторане. Хорошую машину. пляжный отдых. Маникюр.

Дятел, любитель всевозможных теорий заговоров, вечно выискивал что-нибудь этакое и зачитывал за столом во время ужина.

Все электронные и радиотехнические устройства способны следить за своими владельцами: в них неоднократно обнаруживали скрытые микрофоны и камеры.

Производители автомобилей и всякой техники умышленно понижают надежность деталей, чтобы они ломались сразу после окончания гарантийного срока.

Фармкомпании сами придумывают эпидемии и разрабатывают вирусы, чтобы заработать на продаже вакцины.

Терроризм спонсируется отдельной категорией элиты страны, чтобы заставить население ненавидеть того, кого им выгодно.

Забивать голову заговорами мне было не очень-то интересно, но, когда, вещая о мировой элите, Дятел рассказал, что сеть супермаркетов «Метро» принадлежит одному из самых богатых людей Европы – Отто Байсхайму, служившему в элитном подразделении СС и пользовавшемуся личным покровительством Гитлера, я окончательно убедился в том, что мир – это вечный Готэм⁴ и меняться он не намерен.

Однако от экзистенциального ужаса перед будущим меня довольно легко спас Трифонов.

– Ты в «Сталкера» играл? А в «Метро»? Кругом разруха, мор, отслеживающие тебя злобные твари, зомбаки и прочие монстры, а ты центральный чувак, и у тебя миссия: достать вакцину. Не сидеть и сопли гонять, а реально биться и выживать. Просто считай, что постапокалипсис – это то, что сейчас. Я, например, давно так живу.

Если бы мне сказал это кто-то другой, я бы вряд ли послушал, но Трифонов реально так жил. Он всегда был «наготове», как заряженный пистолет. Почти никому не доверял и ни во

⁴ Готэм – вымышленный мрачный мегаполис, в котором происходит действие историй о Бэтмене.

что, кроме самого себя, не верил. Ходил, как проклятый, в свой зал и при любом раскладе бил первым. Особенно когда дело касалось других.

Раз шли по узкой асфальтированной дорожке к метро, болтали. Леха, как обычно, в телефоне на ходу зависал. И навстречу нам мужики с большими баулами. Деревенские такие мужики в сторону вокзала направлялись. С первыми двумя мы нормально разошлись, а третий жирномордый пер как танк, так что Леха в него напрямиком и влетел. Не то чтобы сильно, просто плечом хорошенько задел и дальше пошел, а мужик как толкнет его в спину! Телефон из Лехиных рук вылетел и шлепнулся на асфальт. Леха первым делом к мобиле кинулся, а Тифон, недолго думая, схватил мужика за рукав и сразу кулаком в щекастую морду. Мужик этого явно не ожидал и, пока скидывал свою сумку, получил еще раз. Хорошо, что друзья его оказались неагрессивные, да еще и на автобус опаздывали. Трифонова еле оттащили. Пришлось нам с Лехой его держать, пока они не уйдут.

Но когда к самому Тифону прицепился обдолбанный сорокалетний тип в косухе, даже не разозлился. Мы тогда в кино пошли на «Мстителей», сидели на улице, сеанс ждали. А этот чудак сначала издали на нас смотрел, потом подвалил и говорит: «Повырывали бы вам зубы плоскогубцами, как прадедам вашим, вы бы по-другому заговорили». Мы такие «что?», а он поворачивается к Тифону и давай прямо на него: «Вас, нациков, нужно еще в детстве вырезать. Вы как паразиты, как зараза, как тараканы! Сколько ни трави, все равно из всех щелей лезете...» Трифонов обалдел. На него никто в открытую не кидался. Он такой: «Отвали», а тип еще сильнее попер, мол, ты гад и мразь, а потом как толкнет обеими руками в грудь. Понятно было, что не в себе и специально лезет, но Тифон его трогать не стал. Просто послал куда подальше и отошел в сторону.

Дело, вероятно, было в камуфляжных штанах, бритых висках и татухе на шее, которые не имели никакого отношения ни к идеологии, ни к политическим взглядам. Тифон вообще был ни за кого и называл это свободой.

Пронзительно-жизнерадостный звонок в дверь резко оборвал всколыхнувшиеся после разговора с мамой размышления.

Я сообщил ей, что хочу поехать на подработку, а она завела, что нас собираются использовать в качестве дешевой рабочей силы и потом наверняка кинут с оплатой, а могут вообще отнять паспорта, и тогда мы будем работать на этих людей пожизненно. И что лучше бы я устроился в «Макдональдс» или хотя бы собирать тележки в «Ашане». Я сказал, что там тоже дешевая рабочая сила используется, а она ответила: «Зато официально», и мы стали спорить. В итоге мама выдала две совершенно противоречивые фразы: «Делай что хочешь» и «Пусть бабушка решает». Что по факту означало ее разрешение, но не одобрение.

Как я и ожидал, вернулись бабушка с Дятлом. Посвежевшие и загорелые. Почти целый месяц они провели в Кисловодске в санатории – лечили Дятла минеральными водами.

Со щенячьим восторгом он тут же кинулся мне на шею, обхватил и со всей дури сдавил так, что я захрипел. От него пахло печеньем и поездом. Отдых явно пошел ему на пользу. Узкие ребра покрылись небольшим слоем жира, худосочное лицо едва заметно округлилось, щеки порозовели. Коротко остриженные перед отъездом кудряшки отросли и вились сильнее обычного.

Бабушка радостно расхохоталась:

– Что? Соскучились, мальчики?

От ее приторного умиления передернуло. Я решительно отпихнул Дятла.

– А представляешь, мы видели нетопырей? – тут же сообщил он. – Такие они страшные и пищат страшно. Ты же знаешь, кто это? Летучая мышь. Нам рассказывали, что обыкновенные синицы могут их сожрать. Представляешь? По весне, после зимней спячки, когда те еще не

проснулись. Синицы прилетают голодные и начинают клевать мышей. Я вот думаю, почему медведей тогда так никто не склевывает?

Я уже успел немного подзабыть, какой он доставучий. Уютное, размеренное одиночество было безжалостно нарушено.

– Ваня, прекрати, – бабушка поморщилась и протянула мне сумки. – Отнеси на кухню.

Я живо подхватил их. Мне предстояло продержаться всего полдня. Быть покладистым и услужливым, как Дятел, он же Ваня Соломин. Строить из себя «хорошего мальчика» и во всем соглашаться с бабушкой. Ничего не должно было помешать предстоящему отъезду, а бабушка была человеком настроения.

Пока она мылась, я терпеливо выслушивал рассказы Дятла о том, как он купался в источниках, как ходил в горы и как познакомился с девяностолетним генералом КГБ, но потом, переодевшись, бабушка заступила на свой домашний пост – и понеслось.

– А это еще что такое? – Потрясенно закричала она на всю квартиру. – Никита! Иди сейчас же сюда.

Я понятия не имел, в чем уже успел провиниться, но подхватился сразу, чтобы не дай бог не разгорелся пожар.

– Что это такое? – Она достала из сумки, привезенной от бабушки Гали, лоток с рыбой и сунула мне под нос.

По всей кухне распространилась страшная вонь.

– Рыба, – подражая Дятлу, я непонимающе захлопал глазами, хотя отлично понимал, в чем дело: я совсем забыл про этот лоток, и два дня на жаре сделали свое дело.

– Почему ты не убрал ее в холодильник?

– Я думал...

– Чем это ты, интересно, думал? – Бабушка прошествовала к туалету и демонстративно выбросила рыбу в унитаз. – А твоя мама еще говорит, что ты взрослый. Вот как так можно, Никита? Ты знаешь, сколько сейчас такая рыба в магазине стоит? И с сентября цены еще вырастут. А зарплаты, между прочим, не растут. Только курс доллара. Ты вообще понимаешь, что доллар растет?

По ее собственному мнению, она запросто могла быть министром финансов, здравоохранения, образования, культуры и ряда других областей, причем одновременно.

– Почему ты это не съел? Чем ты тут вообще питался?

– Прости, бабушка, жара. Есть совсем не хотелось.

Это было почти правдой, потому мы с Трифоновым два дня ходили в «Мак» и КФС.

– А знаешь, тебе баба Галя маринованные огурцы прислала и помидоры, – обрадованно вспомнил я и спешно вытащил из-под стола рюкзак с банками.

– Надо же! – бабушка всплеснула руками. – Галина просто золото.

Она мигом забыла о протухшей рыбе и стала счастливо суетиться вокруг этих банок.

И пока она была такая довольная, я решил поговорить насчет поездки.

– Если что, ты на меня суп не вари, – начал я издали, как бы между делом.

– Не выдумывай. Я куриный бульон сделаю. Он и в жару хорошо идет.

– Нет, я просто уеду завтра. На несколько дней.

– Куда это? – она на секунду замерла.

– С ребятами на подработку.

– Что еще за подработка такая?

– Ремонттировать пионерский лагерь. Им работники нужны, а мигрантам не доверяют.

Сказали, за три недели можно сто тысяч заработать.

– Пионерский лагерь – это хорошо, – одобрила бабушка. – Раньше такие замечательные лагеря были. Дима каждый год ездил. А мигрантам правильно не доверяют, сегодня они здесь, а завтра – ищи-свищи.

– Вот именно, – с чувством сказал я, надеясь, что разговор можно считать состоявшимся, поскольку бабушку в известность я поставил, и с ее стороны никаких возражений не встретил.

Однако мои надежды моментально рассеялись, потому что на кухне возник Дятел, который как обычно все слышал.

– А далеко это?

– В Подмоскowie где-то, – обтекаемо ответил я, сигнализируя взглядом, чтобы не лез.

– А с кем ты поедешь?

– С ребятами, – произнес я с еще большим нажимом.

Но Дятел намеков наглухо не понимал.

– С Андреем и Лешей?

– Да!

Зная, что бабушка скептически относится к моей дружбе с Трифоновым и Криворотовым, я бы предпочел лишний раз об этом не болтать.

– Здорово, – завистливо протянул Дятел. – Весело, наверное.

– Какое весело? Там знаешь, как пахать нужно будет? Руками работать. Это тебе не в источнике плескаться.

– Все равно классно, – тяжело и протяжно вздохнул он. – Я бы тоже руками поработал.

В его детских глазах светилась мольба.

– Ладно, – я взглянул на часы в телефоне и торопливо встал. – Пойду. Семь часов уже. Я одному человеку помочь обещал.

– Никит, – Дятел шагнул навстречу. – А можно я с вами поеду?

От его простецкой наглости я чуть не заорал. Чувствовал, к чему идет, но надеялся, что успею соскочить.

– Нет, извини, Вань, это не я решаю, – сказал я как можно спокойнее, чтобы бабушка вдруг не заподозрила, что я «проявляю агрессию». – Там все места уже заняты.

– Жаль, – он снова вздохнул. – Я бы вам помог.

Я тут же представил, как бы он нам помог, и у меня чуть приступ истерического смеха не случился.

– Да, жаль. Очень.

Хотел еще поугадать его, что там ужасные условия: комары, клещи, мошкара, да и весьма небезопасно, поскольку придется лазить по полуразрушенным строениям, но вовремя одумался. Услышав такое, бабушка меня точно никуда бы не отпустила. Когда Дятел был маленький, его укусил клещ, и из-за этого у него теперь иногда случались приступы эпилепсии.

– Куда же поставить банки? – задумчиво пробубнила бабушка себе под нос, ей было совершенно не до нашего разговора. – Может, на балкон?

– Никит, а поговори с Андреем Трифоновым, чтобы меня тоже взять? – с неожиданной стыдливостью пролепетал Дятел, пропуская бабушкин вопрос мимо ушей.

– Это не он решает. Его самого позвали, и там всех уже записали, всем распределили места и питание. Лишние люди не предусмотрены. Сказали четверо. И больше никак.

Про питание придумалось на ходу, а прозвучало так, словно я в этот лагерь отдыхать собирался.

– Эх, жаль, – новый трагичный вздох.

– Вы меня слышали вообще или нет? – закричала бабушка мне на ухо. – Нужно банки на балкон отнести.

– Там же завал, – сказал Дятел.

– Вот вы его и разберите. Давно пора.

– А чего разбирать? Просто на помойку все выкинуть, – опрометчиво ляпнул он.

– На помойку?! – Бабушка метнула в него убийственный взгляд. Счастье, что не я это ляпнул. – Как тебе не стыдно, Ваня? Родители горбчатся, зарабатывают, стараются жизнь вам приличную обеспечить, а вы ничего не цените.

– Но там мои лыжи с пятого класса. Они маленькие, и крепление сломано.

– Детям твоим достанутся. Мы не миллионеры!

– А чугунная мясорубка? – не унимался Дятел. – Она кому достанется?

– Это раритет. Через сто лет она дороже автомобиля стоять будет.

– Ну а магнитола? Она не работает, и ее уже никогда не починишь.

Дурацкий Дятел. Бабушка взвилась окончательно:

– Свести у вас нет! Память о дедушке – на помойку. Значит, так, сейчас оба идете и приводите балкон в порядок. Что-то лишнее можно на антресоли убрать.

На антресолях места не было, это я знал точно, но промолчал и снова взглянул на часы. Семь пятнадцать. До дома этой Тони минут двадцать быстрым шагом, на другую сторону шоссе. Я обещал прийти к восьми.

– Мне нужно будет уйти, – осторожно сказал я. – Но через час я вернусь и все сделаю.

Бабушка рассерженно обернулась:

– Через час? Никита! Я тебя знаю. Ты не придешь через час!

– Честно, приду. Мне очень нужно. Я обещал человеку помочь.

– А я, значит, не человек? Мне помогать не нужно?

– Я приду и все сделаю.

Бабушка уставилась на меня немигающим взглядом.

– Почему я не удивлена? Мы с Ваней только приехали, устали, всю ночь в поезде тряслись, а у тебя одни гулянки на уме.

– Клянусь. Я сбегая очень быстро, а потом приду и разберу балкон. Могу один. А Ваня пусть отдыхает.

– Мне совершенно несложно, – вклинился услужливый Дятел.

– Один ты будешь разбирать его неделю, – сказала бабушка так, словно Дятел был главной рабочей силой.

Если она что-то вбила себе в голову, то переубедить ее не смог бы даже президент.

Я вскочил и решительно направился в большую комнату. Если поспешить, можно было попытаться успеть. Ну приду не к восьми, а к девяти, ничего страшного не случится. Не такое позднее время, и Тонина мама никуда не денется.

Распахнув балконную дверь, я оглядел завалы, и энтузиазма заметно поубавилось. Я принялся быстро затаскивать в комнату то, что лежало с краю.

Однако бабушка была уже тут как тут.

– Ну что ты творишь? Лишь бы от меня отделаться? Я поняла. Ладно, уходи на все четыре стороны. Но тогда завтра ты никуда не едешь, и у тебя будет достаточно времени разобрать балкон как следует.

Ситуация сложилась тупиковая. Не пустить меня она, конечно, не могла, но если я уеду, не получив ее «благословения», то гарантированно произойдет грандиозный семейный скандал, который потом еще полгода расхлебывать.

Сначала я собрался написать Тоне, что не приду. Понимал, что это подстава и что в ее глазах я окажусь ослом, но делать было нечего. Уже почти отправил сообщение, но тут в голову пришла неплохая идея, и я позвонил Трифонову:

– Слышь, Тиф, ты бы не мог сходить к этой Тоне и поговорить с ее мамой?

– К какой еще Тоне?

– Ну помнишь, та красноволосая, вчера подходила, просила отпросить ее у мамы, типа парень ей нужен.

- А ты чего?
- Темные силы не пускают.
- Бабка?
- Она. Если сейчас уйду, завтра с поездкой облом будет.
- Я тебе дам облом. Все уже на мази. Где я четвертого человека до завтра найду?
- Нет-нет, я поеду, – заверил я. – Но только хорошо бы этот вопрос уладить, а то получится, что я ее продинамил.
- Это я понял. Но серьезно, ты правда считаешь, что хоть одна мама со мной отпустит свою дочь?
- Я задумался. Вид у него и правда был не самый благонадежный.
- Ты просто сходи, ну не отпустит, значит, не отпустит. Это уже не наша проблема. Главное – по-честному.
- Тема «по-честному» всегда его цепляла. Во вселенной Тифона честность являлась основной системой координат.
- О! Я придумал, – вдруг оживился он. – Короче, давай ее адрес.
- А что ты придумал?
- Потом узнаешь.
- Но что мне ей сказать?
- Ничего не говори пока. Я тебе позже позвоню.

С чистой совестью я отправился на помощь Дятлу, и под неусыпным бабушкиным руководством в следующие три часа мы старательно перекладывали древний хлам справа налево и даже уговорили ее кое-что выкинуть. Набили два больших голубых мусорных пакета и потащили на помоечные контейнеры возле соседнего дома.

На улице посвежело, и после духоты квартиры наши взмокшие лица приятно обдувал вечерний ветерок.

– Ты не обижайся, – сказал я Дятлу, когда мы вышли из подъезда, потому что видел, как он расстроился из-за лагеря и моего отказа. – Если бы мог, я бы тебя обязательно взял.

От тяжести бьющего по ногам мешка его немного пошатывало. Я протянул руку, чтобы помочь, но он резко отдернул мешок, из-за чего его занесло в сторону и он чуть не опрокинулся через газонное ограждение. Я поймал его за локоть.

– Ты даже не захотел попробовать, – с упреком сказал он.

– Потому что я знаю. Мы говорили про это. Чем больше людей, тем меньше каждый из нас заработает. А Трифонов очень хочет заработать. Ему мотоцикл новый нужен.

– Понятно, – Дятел печально кивнул.

Вообще-то он редко обижался.

– Думаешь, мне нравится все лето проводить с бабушкой? Думаешь, это легко? Ваня, не сутулься, Ваня, не шурься, вылез из телефона, причешись, отряхнись... Я, может, тоже хотел бы с ребятами хоть куда-нибудь... Все равно куда. Просто чтобы сам по себе.

Подобное я слышал от него впервые. Они с бабушкой всегда прекрасно ладили. Бабушка опекала его из-за болезни, а он никогда не сопротивлялся.

– Ну давай в следующий раз мы рванем с тобой куда-нибудь вместе. Хочешь, на море поедем?

В эту минуту я готов был пообещать ему золотые горы. Дятел, хоть порой и невероятно злил, но за год совместного проживания в одной комнате я успел привязаться к нему, а признание насчет бабушки очень подкупило.

– Правда? – он тут же восторженно вскрикнул. – Можно следующим летом поехать, да?

– Конечно. Сдадим сессию и поедем.

– Точно! Классная идея.

Мы дружно размахнулись и закинули мешки в мусорные контейнеры. Послышались звон бутылок и глухой скрежет.

Дятел по-детски рассмеялся и заметно повеселел.

К нашему возвращению бабушка успела приготовить ужин. Но только мы уселись за стол, как позвонил Трифонов, и я вышел в коридор.

– Короче, капец, – сразу начал он. – Криворотов никуда не едет.

– Как не едет? Почему?

– По кочану!

– Вы поругались?

– Поругались? Да я бы его урыл. Обещает сам туда потом подъехать, но верится слабо.

– А мы?

– Мы – едем. Только если не успеем все сделать, нам не заплатят.

Я тотчас вспомнил мамины слова насчет дешевой рабочей силы.

– Слушай, Тиф, а что, если нам Соломина с собой взять? Он весь вечер просится с нами.

– Соломина? – Трифонов фыркнул. – Он же и кирпич не поднимет.

– Хоть какая-то помощь.

– Ладно, давай Соломина.

– Ну тогда отлично. А что с Тоней? Получилось с ее мамой поговорить?

– Про это лучше не напоминай, – неожиданно зло прошипел он. – Кругом идиоты одни.

Она, ты, Криворотов, ну и я тоже – придурок.

Глава 5

Тоня

Я не знала, как все должно быть на самом деле и как это происходит у других, но, судя по всякой восторженной мути, поднимаемой вокруг этой темы, подозревала, что совсем не так.

Мы никогда не были по-настоящему расслаблены и свободны.

Ни сидя полночи возле моего подъезда и пытаюсь надышаться необъяснимым, будоражащим до озноба волнением.

Ни в торговом центре, где умирали со смеху, меряя вещи, которые никто из нас не носит.

Ни после аттракционов в Парке Горького, когда, снизойдя до Колеса обозрения, я уже не в силах была остановиться и мы перекатались на всем подряд.

И уж точно не было никакой свободы ни в наших поцелуях, ни в закрытых глазах, ни в прикосновениях или нервном переплетении пальцев.

Однажды я наткнулась в Интернете на картинку, где собаки, сидя перед захлопнувшейся за хозяином дверью, горестно воют: «Он больше никогда не вернется», – и показала ее Амелину.

– Это ты, когда спрашиваешь, напишу ли я тебе завтра.

– Точно, – засмеялся он. – Я же не знаю, когда ты перестанешь мне писать.

Прощаясь и расходясь в разные стороны, мы всегда оглядывались одновременно. Из-за чего он возвращался, и мы снова прощались.

Мы могли долго стоять, обнявшись, и не разговаривать. Просто слушать музыку и быть вместе. Раз, пережидая дождь, проторчали на автобусной остановке полтора часа, не произнеся ни слова и не заметив, что он закончился.

Все вроде бы было хорошо, однако во всех этих, так оглушительно обрушившихся на наши головы чувствах постоянно присутствовало нечто тревожное и беспокойное. Словно мы находимся в комнате свиданий по разные стороны решетки и где-то за спиной громко тикают невидимые часы, со злобной методичностью отмеряя отпущенное нам время.

Никиту я ждала к восьми и потихоньку собирала рюкзак, решив, что даже если с родителями договориться не получится, то все равно уеду. Папа вечно шутил, что упрямство – мое второе имя, но я предпочитала называть его настойчивостью.

На роль своего фиктивного сопровождающего я выбрала Никиту, потому что он казался мне спокойным и самым что ни на есть «приличным парнем». Симпатичный, темно-русый, аккуратно стриженный, с ясным, понимающим взглядом и скромной улыбкой. Шмотки на нем были модные, но без выпендрежа, а разговаривал он охотно и, вместе с тем, сдержанно. Обычный ровный парень, без отпечатка излишней правильности или самодовольства, таких все любят и принимают за «своего».

В его глазах читались разум и рассудительность, да и сложен он был вполне неплохо, что для моей мамы, отдающей предпочтение физически крепким ребятам, являлось несомненным плюсом.

Я отправила ему сообщение днем, часа в три, спросила, не передумал ли. Он заверил, что все в силе, и перед тем, как поедет ко мне, заранее позвонит.

Но заранее никто не позвонил и не написал. Просто в двадцать пятнадцать по квартире прокатился резкий, требовательный звонок, как всегда звонят чужие, и я со всех ног побежала открывать.

Мама, совсем недавно вернувшаяся с работы, в растерянности вышла в коридор:

– Кто бы это мог быть?

Не раздумывая, я распахнула дверь и застыла в немом изумлении.

На пороге стоял незнакомый парень в яркой голубой тенниске и с длинным шрамом поперек левой щеки.

– Приветик, – сказал он, широко улыбаясь. – Помнишь меня?

– Кто там? – мама тут же нарисовалась за спиной. – Тоня, это к тебе?

Но я и сама не знала. Парень нашелся раньше.

– Добрый вечер, – не переставая улыбаться, вежливо поздоровался он. – Тоня просила подойти сегодня к восьми.

– Да, мам, – я все еще пребывала в легком недоумении, лицо его казалось смутно знакомым. – Это... Это...

– Алексей, – тут же представился он, вынимая руки из карманов узких, укороченных по щиколотку светло-голубых джинсов.

– Очень приятно, – откликнулась мама и, мгновенно отсканировав его с ног до головы, ушла к себе в комнату.

– Короче, Никитос не смог, у него там какие-то траблы. Так что я за него. Что нужно сказать твоей маме? – спешно заговорил парень полупшепотом.

– Для начала нужна достоверная версия, откуда я тебя знаю. – Я изучающе его оглядела. Лицо смазливое, фигура спортивная, взгляд нахальный.

– Ты что, меня не помнишь? – с наигранной обидой он поджал губы. – Я, например, тебя хорошо запомнил. Правда, по волосам в основном. Сейчас все в синий красятся, а у тебя красные. Пряма, огонь.

– На загадки времени нет. Мы встречались?

– Не, ну если бы мы встречались, ты бы уж точно меня не забыла, – понизив голос, многозначительно произнес он и сразу рассмеялся: – В больнице тебя видел, когда ты к своему суициднику ходила. Я же Леха, друг Тифона. Странно, что ты меня не запомнила.

Когда я ездила к Амелину в больницу, я вообще мало кого запомнила. Только Никиту, потому что как-то раз мы оба приехали туда раньше времени и проторчали в больничном холле не меньше часа.

– Отлично, – это была замечательная, абсолютно правдивая версия. – Я просто скажу маме, что ты едешь со мной к Амелину, и ты это подтвердишь. Вот и все.

– Окей, – запросто согласился Леха. – А Амелин это кто?

– Тот самый мой друг из больницы.

– А-а-а. Суицидник, так бы сразу и сказала.

– Вообще-то его зовут Костя.

– Мне, если честно, вообще пофиг, хоть Игнат.

– Какой еще Игнат?

– Откуда мне знать? Говорю же, без разницы.

– Ты готов?

– Я как пионер – всегда готов, – Леха расправил плечи, растянул свою белозубую улыбочку еще шире и прямо-таки засиял весь, будто первоклашка на школьном утреннике.

– Ма-а-а-м, – позвала я. – Подойди. Дело важное.

Мама, успев переодеться в светло-серый домашний костюм, появилась через минуту.

– Я слушаю.

– Мам, мы с Лешей завтра к Косте в деревню поедem, хорошо?

– Что? – переспросила она, хлопая накрашенными ресницами, будто не расслышала.

– Говорю, что мы с Лешей завтра в деревню поедem. К Косте.

– Туда и обратно, – зачем-то вставил Леха. – Давно не виделись. Повидаться охота.

Последнее он, пожалуй, зря добавил, потому что мама сразу же насторожилась и, легонько отстранив меня, распахнула дверь шире.

– Да вы проходите, Алексей. Не стесняйтесь, Тоня никогда не может людей нормально принять.

– Что вы, спасибо, конечно, но я так... На пять минут забежал, – Леха сделал шаг назад.

– Да, – подхватила я. – Леше идти нужно.

– Пройдите, пожалуйста, – в голосе мамы послышалась твердая настойчивость. – Буквально на пару слов.

Нехотя переступив порог, Леха присел и принялся расшнуровывать полукеды, а когда мама направилась в гостиную и жестом позвала нас следовать за ней, бросил на меня недоуменно-вопросительный взгляд. Но объяснить я ему ничего не могла, потому что сама не понимала, что она задумала.

Сдвинув ворох неглаженного белья в сторону, мама усадила нас на большой диван, а сама села в кресло напротив. Сложила руки на коленях и выпрямила спину.

Даже в домашнем костюме она выглядела, как на офисных переговорах.

– Итак, Алексей, как я понимаю, вы знакомый Тони?

– Ага, – Леха кивнул. – Мы в больнице познакомились, когда этот...

Он метнул в мою сторону обеспокоенный взгляд.

– В общем, в больнице. Я к своему другу приходил, она к своему...

– И теперь вы собираетесь поехать вместе завтра за город? Двести километров от Москвы? Пять часов на электричке. Пять туда и пять обратно?

Определенно мама взяла эти цифры с потолка, но возразить я ничего не успела.

– Ну да, – запросто согласился Леха. – Почему бы и нет? Тоня сказала, что вы ее одну не отпускаете, вот и попросила меня... ее сопроводить. А мне несложно. Все равно делать нечего.

– Да? – мама недоверчиво прищурилась. – Это хорошо, а то я уж было подумала, что Тоня привела вас сюда для вида. Лишь бы я ее отпустила.

– Нет, что вы! – Леха очень достоверно вытаращил глаза.

– Рада, что я ошиблась, – мама откинулась на спинку кресла и переместила руки на подлокотники. – Значит, вы, Алексей, клянетесь мне доставить Тоню обратно домой в целости и сохранности?

– Я? Э... – Леха заерзал. – Ну типа.

– Так вы клянетесь? – Она разве что не добавила «под присягой».

– Мам, – не выдержала я. – Ну ты чего?

Мамино лицо сделалось непроницаемым.

– А то, что я в первый раз вижу человека и, отпуская тебя с ним, должна быть уверена, что у него исключительно серьезные намерения.

– Какие еще намерения? – Леха аж подскочил на диване.

– Самые благородные.

– Ну это само собой.

– Вот и хорошо, тогда я, конечно, не возражаю, чтобы вы поехали навестить Костю и передали ему мои соболезнования.

Мы с Лехой одновременно выдохнули.

– Только вот еще, – мама достала из глубокого, напоминающего муфту кармана телефон. – Дайте мне, пожалуйста, ваш номер. Вдруг Тоня свой потеряет, или аккумулятор разрядится. У нее постоянно такое.

Лехина шикарная улыбка, которая все это время еще как-то держалась, медленно сползла. Его, несомненно, нужно было спасать, однако жертвовать поездкой к Амелину ради душевного комфорта этого парня я не собиралась.

Немного помявшись, он все же продиктовал номер. Я бы на его месте назвала какой-нибудь левый, что он похоже и сделал, потому что, когда мама стала на него звонить, ничего не произошло.

– Странно, – сказала она очень ровным тоном. – Гудка нет. Давайте-ка лучше вы мне позвоните.

Так что ему ничего не оставалось, как достать свой мобильник и набрать ее номер.

– Ну вот, – она удовлетворенно кивнула, – будем считать, что сделка состоялась.

Теперь я понимала, почему по количеству заключенных договоров мама всегда обгоняла папу.

Однако на этом экзекуция не закончилась: в довершение ко всему, она взяла и сфотографировала Леху на телефон.

– А это еще зачем? – чуть ли не закричал он.

– На номер ваш поставлю. У меня почти на всех контактах фотографии стоят.

И пока она еще чего-нибудь не надумала, мы быстро выскочили в коридор. В полнейшей тишине Леха обулся, и я выскользнула за ним на лестничную клетку.

– Прости, что так получилось. Обычно она у меня не такая, не знаю, что на нее нашло. Прикальывалась, наверное.

– Нехилые такие приколы, – Леха больше не выглядел обаяшкой. Во всех его манерах с самого начала сквозила наезжало-нагловатая пацанская нота, и теперь она зазвучала по полной: – И нафига я вообще Тифона послушал? Блин, что это вообще было?

– Извини, – сказала я. – Давай, если вдруг тебе потом тоже понадобится какая-то помощь, я тебе тоже помогу?

– Нет уж, как-нибудь сам справлюсь, – недовольно фыркнул он, доставая из кармана пачку сигарет.

Мне было очень стыдно, что так вышло.

– Тогда еще раз огромное спасибо, что выручил. Это правда вопрос жизни и смерти.

– Так, где и когда встречаемся? – Леха раздраженно помял пачку пальцами.

Глаза у него были синющие и бесстыдные.

– В смысле?

– В прямом, блин, смысле! Знаешь, какая это подстава с твоей стороны?! Нам с парнями завтра в лагерь ехать. И я это все замутил.

– Я уже извинилась.

Когда кто-то начинал на меня давить, то эффект всегда получался обратный.

– Да плевать мне на извинения твои. Когда и куда приходите?

Его недовольный голос было слышно, наверное, с первого этажа.

– Ты на полном серьезе ехать со мной собираешься? – Такое предположение меня насмешило.

Но Леха вовсе не шутил.

– А что мне еще делать? Мама твоя меня сфоткала. Теперь, случись что, кто будет крайний? Правильно – Криворотов.

– Это еще кто?

– Я это! – выпалил он мне в лицо. – Ну нафиг, только с этого дела соскочил.

– Не нужно никуда ехать, – заверила я.

– Короче, я жду, – он требовательно уставился на меня. – Если не скажешь, припрусь завтра к тебе домой в шесть утра.

Мы спорили по этому поводу еще минут пятнадцать и к концу разговора мне уже казалось, что я знакома с ним всю жизнь.

Как выяснилось, у Лехи было несколько подружек, отчаянно воюющих между собой за его внимание, и этой зимой одна из них, чтобы досадить ему, заявила на него в полицию, обви-

нив в домогательствах. Обвинения были липовые, и девчонка эта сама потом забрала заявление, но ей было четырнадцать или пятнадцать, и Леху еще несколько месяцев песочили, пугая, что если с его стороны обнаружится еще какой-либо косяк, то раскручивать будут по полной.

Так что он предпочитал по-быстрому скататься со мной в деревню, чем потом париться, что я потеряюсь или на меня нападет маньяк и моя мама свалит всю ответственность на него. В итоге, мы договорились встретиться в девять утра в метро и вполне по-дружески разошлись.

А вернувшись в квартиру, я услышала громкий мамин смех и зашла к родителям в спальню. Папа валялся на кровати, а мама сидела на пуфике перед зеркалом и весело пересказывала ему недавнюю сцену.

– Зачем ты так? – Мне, в отличие от нее, было совсем не весело.

– А затем, – она, смеясь, посмотрела на меня через зеркало, – чтобы впредь nepовaдно было мать обманывать. Я сразу поняла, что ты его в первый раз видишь и никакого уговора у вас нет.

– Но он-то не виноват. Могла бы потом мне все высказать.

– Ну уж нет. Ты же очень хочешь поехать? Вот и поезжай с ним. Заметила, какой он симпатичный? И даже этот огромный шрам его ничуть не портит. Тем более ты любишь такое.

Мамина подколка, впрочем, как и вся ее выходка в целом, мне совсем не понравились, но объяснять что-либо было бесполезно, ведь не ей предстояло несколько часов ехать с незнакомым человеком и всю дорогу оправдываться за то, что так получилось.

И все-таки лучше пережить общество Лехи, чем сбежать и потом надолго посориться с родителями. Второй за год побег они вряд ли простят так легко.

Запихнув на всякий случай в рюкзак купальник, я написала Насте, что нашла, с кем поехать в деревню, и, коварно надеясь, что она сможет отпроситься с работы на пару дней, долго расписывала, какой Леха красавец.

На провокацию Настя, увы, не повелась, но вся взбудоражилась и тут же полезла искать Лехины профили в соцсетях, а когда нашла, поначалу решила, что я специально все выдумала, чтобы она завидовала. Оказалось, Леха был весьма популярной личностью и от отсутствия женского внимания совершенно точно не страдал. Полистав следом за ней его фотографии в Инстаграме, я была вынуждена согласиться, что, возможно, дорога будет не такой ужасной, как представлялось вначале.

Однако около десяти, когда я была в душе, неожиданно зазвонил телефон. Так яростно завибрировал на краю раковины, что чуть не свалился на кафельный пол.

Я схватила его мокрыми руками, взглянула на экран и не поверила своим глазам – Саша Якушин собственной персоной.

Сколько уже времени прошло, сколько воды утекло, я давным-давно перестала мечтать о нем, и мои мысли занимал совершенно другой человек, но все равно его имя на экране мобильного вызвало глупое трепетное волнение.

Я выключила воду. Спешно обмоталась полотенцем.

– Привет. Что случилось? – обеспокоенно начал он. – Ты мне пятнадцать раз звонила.

– Спасибо, что перезвонил, но уже все нормально.

– А что было?

– Мне нужна была компания. В деревню к Амелину съездить. Просто мама сказала, что одну без парня меня никуда не отпустит. Далеко ехать. Так что я подумала, что ты мог бы... Мы могли бы... Поехать туда вместе.

И только произнося это, я вдруг поняла, насколько странно прозвучала моя просьба.

Якушин никогда не испытывал к Костику теплых чувств, а уж после того, как я сделала свой выбор не в Сашину пользу, и подавно. Но сейчас он совершенно спокойно и по-деловому сказал:

– Можем съездить. Я только сегодня из лагеря вернулся. Вожатил. Но завтра свободен и могу составить тебе компанию. Расскажу про детей. Это какой-то ужас!

– На машине? – с осторожной надеждой поинтересовалась я.

У Якушина была старая «Газель», на которой мы зимой доехали аж до Пскова.

– Можно. Но я на ней с весны не ездил.

– Было бы здорово, – поездка с ним на машине казалась куда соблазнительней электрички с Лехой. – Правда, я уже договорилась с одним парнем.

– С каким парнем? – Якушин удивился так, словно других парней, кроме него, не существовало в природе.

– Да не важно, просто парень один. И мама на него серьезно нависла, что он обязан со мной поехать.

– Ну так скажи, что все отменяется.

Саша заявил это с такой твердой уверенностью, что я почувствовала облегчение. Впервые за несколько этих путанных дней появилась хоть какая-то определенность.

Мы договорились, что встретимся в девять возле его дома, и попрощались.

Лехин номер я взяла у мамы, чем, конечно, несколько ее озадачила. Написала ему: «Приходить не нужно. Я нашла, с кем поехать. Еще раз извини. Тоня».

Якушин жил в соседнем дворе, поэтому без пяти минут девять я не спеша выползла из дома. Перед самым выходом папа поцеловал меня в щеку и шепнув «много не пей», сунул в руку синюю двухтысячную бумажку. А мама, выскочившая из ванны с полотенцем на голове, поинтересовалась: «И через сколько тебя ждать?» Я ответила, что сама не знаю, но обязательно позвоню. Она со вздохом покачала головой и попросила передать привет Алексею. О том, что я еду не с ним, а с Якушиным, рассказать я не успела, а объяснять сейчас было некогда.

На улице стояла страшная духота, которая по ночам не спадала. От сухости и пыли листва на деревьях во дворе потускла и приобрела сероватый оттенок. Люди с измученными, невыспавшимися лицами тащились в сторону метро, на работу. За ними тянулся шлейф обильного утреннего парфюма, делового напряжения и обрывки телефонных разговоров.

Я смотрела на женщин в чересчур тесной для такой погоды одежде и радовалась, что на мне майка и шорты, а на ногах у меня удобные, выдавшие виды кеды.

Впереди ждала приятная загородная поездка и встреча с Амелиным. Я представляла, как он удивится и обрадуется, и всю дорогу шла, глупо улыбаясь на ходу.

Якушин сидел в салоне «Газели» с распахнутой дверью и, кажется, звонил мне, потому что тут же спрыгнул вниз и сунул телефон в карман.

– У нас проблема. Машина не заводится. Нужно в сервис отгонять.

– Понятно.

– Поедем на своих двоих. – Он достал с соседнего сиденья почти пустой рюкзак. – Как ты и хотела.

Расстроилась я ощутимо, но виду не подала.

Он еще немного повозился, закрыл машину, и мы уже двинулись в сторону метро, когда у меня зазвонил телефон. Номер высветился незнакомый, но голос определенно был Лехин:

– Я вообще не понял! Что за кидалово? Я жду в метро. Ты где?

– Я же написала, что мне уже не нужно, со мной друг поедет.

– Друг? Нормально? Номер телефона твоя мама взяла у меня, сфотографировала меня, клясться заставила тоже меня, а поедет какой-то там, нафиг непонятный друг? А потом с кого опять спрос? Естественно, с Криворотова. Нет уж. Давай быстро подваливай сюда.

– Не переживай. Я сейчас позвоню маме и скажу, чтобы она сняла с тебя эту клятву.

С мамой стоило поговорить сразу, но я и думать про Леху забыла.

– Было бы очень любезно с твоей стороны, – он немного успокоился. – В таком случае я, может быть, еще успею уехать с ребятами.

Я немедленно позвонила маме и попросила ее избавить Леху от клятвы, потому что со мной поедет Саша, даже трубку ему передала, но у мамы случился приступ небывалой вредности.

– Ничего-ничего. В следующий раз будет головой думать. Если уж берешь на себя ответственность, нужно нести ее с честью.

Для мамы это было шуткой и какой-то глупой принципиальностью, а для нас – крайне неприятной ситуацией. Я попробовала сказать, что у Лехи дела, и он из-за меня может подвести людей, однако мама заявила, что вчера дел у него не было, и пообещала попозже перезвонить ему, чтобы узнать, со мной ли он.

Это была полная подстава.

– Ладно, Саш, извини, – сказала я озадаченному Якушину. – Придется мне ехать с этим Лехой. Мама уж как-то очень по-боевому настроена. В отпуске, похоже, переотдыхала.

– Не, ну какой еще Леха? Он вообще не при делах. Идем, я с ним сам поговорю.

Якушин был моей школьной безответной любовью. Любовью-фантазией, прекрасным недоступным принцем, красавчиком из старших классов. Долгое время я убивалась по нему, а когда познакомились ближе и подружились, все прошло.

Мы спустились в метро. Леха в темно-синей футболке с большим белым принтом «88», по типу футбольной формы, и вчерашних джинсах, с унылым видом подпирал плечом колонну, а когда увидел нас, встрепенулся. Первым подал руку Якушину и назвался. Саша сдержанно ответил.

– Слушай, Лех, – под прямым Лехиным взглядом он помялся. – В общем, с Тоней поеду я. Мы с ней давно знакомы, и я знаю, как уладить все эти дела.

– Да ла-а-а-дно? – протянул Леха издевательски. – Серьезно? Знаешь, как уладить? А вчера, интересно, где ты был, когда ее мать говорила, что, если один волосок упадет с головы дочери, она меня скальпирует и на кол посадит?

– Она такого не говорила, – засмеялась я.

– Я приехал вчера поздно вечером, – невозмутимо отозвался Саша. – И сразу перезвонил Тоне. Теперь все нормально.

– А вот и ненормально, – Леха сунул руки в карманы и с вызовом вытаращился на него. Когда Леха переставал улыбаться, шрам сразу бросался в глаза и делал его лицо опасным.

– На тебя когда-нибудь малолетки кидали заявку за домогательства? Ты писал по три раза в неделю объяснительные? Состоял на учете? Сидел под домашним арестом? Тебе угрожали, что если еще раз что-то подобное повторится, то все будет уже по-взрослому?

Леха, по всей вероятности, был чуть младше Якушина, но наглость с лихвой перекрывала эту разницу в возрасте.

Якушин передернул плечами:

– Я подобными вещами не увлекаюсь.

– Так вот я тоже не увлекаюсь, но подставили меня нехило, и больше я на эти грабли наступать не намерен, – Леха повернулся ко мне: – Короче, либо ты едешь со мной, либо вообще никуда не едешь

От такого заявления я опешила.

– Давай ты просто пойдешь домой и успокоишься? – сказал Якушин.

– Это ты пойдешь домой и успокоишься, – огрызнулся Леха. – Я из-за вас своих друзей продинамил. Так что нефиг.

– Все. Уходим, – Саша потянул меня за рюкзак.

Не знаю, стал бы Леха нас останавливать, и что бы он вообще сделал, послушай я Якушина, но мне показалось неправильным так поступить с ним.

– Ладно, – сказала я. – Поехали вместе.

Саша осуждающе покосился на меня, а Леха согласно кивнул.

– Вот это другой разговор. Я тоже ненавижу напряги, – он похлопал Якушина по плечу. – Расслабься, чувак. Все будет зашибись.

Глава 6

Вита

Мама с папой ссорились редко. Их ссоры напоминали интеллектуальную дуэль, в которой побеждал тот, кто выдавал наиболее сложную фразу, означающую степень заблуждения оппонента. А через час или два они мирились. Обычно папа подходил к маме с заявлением: «Все равно ты неправа», после чего тут же, пока она не успела опомниться, озадачивал чем-нибудь совершенно бытовым: «Ты не видела мои очки?» или «Скоро будем есть?»

Однако помню период, когда они ссорились так, что не разговаривали по три дня. Мне тогда было восемь, и я очень переживала. Думала, а вдруг они больше никогда не заговорят друг с другом и не помирятся? Я же знала, что такое бывает. Сначала люди не разговаривают, а потом становятся чужими и разводятся.

– Ты больше не любишь папу? – пришла я как-то к маме с прямым вопросом.

– Люблю, конечно.

– Но вы же поссорились.

– Ссорятся, Виточка, и когда любят. Когда человек для тебя важен, важно его мнение и поступки. А с теми, кого не любят, не ссорятся. Только ругаются.

– Но если ты любишь папу, а он тебя, то зачем вам тогда ссориться?

– Это же не специально получается. Просто так бывает, что для одного хорошо, для другого плохо и наоборот. Примерно как с рисовой кашей, которую ты не хочешь есть.

– Но я же не перестаю с тобой разговаривать.

– Мы не разговариваем из-за того, что, пока ссорились, успели наговорить друг другу много неприятных вещей.

– Но если ты знаешь, что говорила неприятное, и папа про себя это знает, то почему вам просто не извиниться друг перед другом, и все?

– Потому что каждый из нас считает, что он прав.

– Но помириться же важнее, чем быть правым.

– Когда как. Иногда человек так сильно заблуждается, что ты перестаешь понимать его, а потом и любить.

Утром я проснулась внезапно. Будто почувствовала. Окно было приоткрыто, и в комнату проникали оживленные звуки летней улицы: воркование голубей, шуршание подошв об асфальт, хлопанье дверей, тихий гул заведенной возле подъезда машины, негромкие голоса. Услышав которые, я резко вскочила и бросилась к окну.

Макс закидывал в багажник рюкзаки. Артем сидел за рулем.

На часах было девять. Я вспомнила, что Макс договаривался с ребятами отправиться на какую-то стройку. Но Артем никуда не собирался. Он планировал остаться здесь. Со мной.

Я торопливо натянула джинсы и, оставшись в спальной майке, кинулась на улицу.

Макс уже запрыгнул в машину, а Артем, увидев меня, нарочно дал подойти ближе и затем тронулся.

Я крикнула: «Подожди!», но он ускорился. Макс опустил стекло, высунулся по плечи и развел руками, мол, ничего не может поделать. Я пробежала еще несколько шагов и остановилась, недоуменно глядя им вслед.

Вчерашняя ссора была глупая и какая-то ненастоящая, ведь, чтобы поссориться по-настоящему, нужна обида или злость, но я не чувствовала ничего похожего.

Я вернулась домой и позвонила ему. Раз семь набрала. Наконец он ответил.

– Ты хотела, чтобы я занялся делом? Я занялся. Обычно я так не поступаю. Обычно сразу посылаю. Так что ты, Витя, первая девушка, которую я послушал. Радуйся.

– Но Артем, я же говорила не о том. Останься, пожалуйста. Я тут умру одна.

– От этого еще никто не умирал.

– Хочешь, я расскажу, с кем разговаривала?

– Расскажешь, когда вернусь.

– А когда ты вернешься?

– Недели через три, а может через месяц. Все. Пока.

Стоило перезвонить, но я вряд ли смогла бы произнести хоть слово. Вместо этого написала эсэмэс:

«Пожалуйста, прости. Я все поняла и больше никогда не заговорю ни о чем подобном».

Ответ пришел совершенно в стиле Артема. Простой и до отчаяния лаконичный.

«Не грусти».

Три недели – это двадцать один день. Ровно столько нужно человеку, чтобы он приобрел ту или иную привычку или же избавился от нее.

Через три недели наступит август, и ночи станут длинными и холодными.

А что, если за двадцать один день мы отвыкнем и разлюбим друг друга?

– Здравствуйте, это Вита. Артем уехал. Я все испортила. Он очень разозлился из-за того, что я не захотела рассказать ему о нашей с вами встрече. Что же мне теперь делать? – вывалила я на одном дыхании, потому что больше не могла сдерживаться.

– Так, ну-ка успокойся, – строгим голосом сказала Полина. – Что за трагедия? Тема вечно психует не по делу. Через час я приеду к вам за собакой. Поблизости есть какое-нибудь приличное кафе?

То, что они оставили Лану Полине, стало еще одной неприятной неожиданностью. Я любила Лану, а она меня. И я бы с радостью ходила с ней гулять, играла бы и кормила ее тоже. Нам обоим было бы не так грустно ждать вместе.

Однако приглашение Полины само по себе стало утешением. Мне пришлось взять себя в руки, одеться и вылезти из дома.

«Приличное» кафе Полина выбрала сама в мобильном приложении. Пафосное и очень дорогое. Наподобие тех, куда ходил Артем, но мне такие места не нравились. В них я чувствовала себя лохушкой.

– Насчет денег не волнуйся, – сразу предупредила она. – Я заплачу.

И это тоже прозвучало не очень приятно. Полина была для меня совсем чужим человеком, и я никак не могла позволить ей платить за себя, поэтому заказала только чашку зеленого чая.

Все то время, пока я рассказывала, что случилось, она сидела с таким выражением лица, с каким наша историчка слушала ответы на уроках. Выражением легкого недоумения, недоверия и насмешки.

– Теперь я понимаю, почему он выбрал именно тебя. Его всегда бесит, когда у человека есть свое мнение. А ты наверняка во всем его слушаешься и со всем соглашаешься?

– Я не люблю ссориться, и обычно мы легко договариваемся. Если бы я рассказала про вас, Артем бы не обиделся. А так получилось, что я скрываю что-то.

– О да. Влезть в чужую жизнь и прогнуть под себя – это его любимая забава.

– Но я тоже думаю, что между близкими людьми не должно быть секретов.

– А ты уверена, что у него от тебя их нет?

– Не знаю.

– Тогда слушай меня. Я знаю, о чем говорю. Ты наверняка смотришь на него как на взрослого. Мне тоже казалось раньше, что двадцать – серьезный возраст. Но ты не представляешь, сколько у Темы заморочек.

– Вы знали, что он разозлится?

Полина неопределенно пожала плечами:

– Можно было предположить.

– И специально хотели нас поссорить?

– Ну что за детский сад? Конечно, нет. Я тоже огорчена тем, что произошло. Надеюсь, что хоть с тобой он считается.

Полина принялась рассказывать про Артема. Про его характер, поступки, про то, как он вел себя со своими родителями, с ее отцом, как поступал с девушками. Причем каждая ее фраза отчего-то звучала обидно – и я почти перестала слушать.

Будь Артем хоть Мефистофелем, для меня все это не имело никакого значения.

Тем временем за соседним столиком обосновалась интересная пара: молодой темноволосый парень с женщиной в солнечных очках и с густым, похожим на парик черным каре. Невольно я отвлеклась на них.

По всей вероятности, это были мать с сыном. Женщина стройная, утонченная, немного манерная. Парень – темноглазый и решительный. Ей могло быть как сорок, так и шестьдесят, а парень выглядел чуть старше меня.

Сделав заказ, они какое-то время негромко переговаривались, затем женщина, словно вспомнив о чем-то, полезла в сумочку, достала оттуда пузырек с таблетками, но открыть его не успела. Пузырек выскользнул из ее пальцев и упал. Пластиковая крышечка отошла, и таблетки раскатились по полу.

Женщина ахнула, а ее сын поспешно кинулся собирать их.

Одна таблетка, описав круг, медленно закатилась под наш столик. Я нырнула вниз и, прежде чем Полина сообразила, что происходит, подняла ее.

Наверное, эта таблетка была очень важной, раз хорошо одетый и с виду самодовольный парень так ползал по всему залу.

Я отнесла таблетку женщине. Она поблагодарила. Лицо у нее было бледное, а тонкие гладкие руки свидетельствовали о том, что ей не так уж много лет.

Когда же я вернулась за наш стол, Полина неожиданно заявила:

– Это он тебя так воспитывает. Чтобы впредь не касалась неприятных для него тем.

– И что же теперь делать?

– Ничего. Через пару недель вернется, и все будет у вас хорошо.

– За это время я сойду с ума.

– Ох уж мне эти подростки, – с видом умудренной жизнью женщины Полина закатила глаза. – Уехал на два дня – конец света.

– На три недели.

Парень принес в кулаке собранные таблетки. Его мать что-то сказала ему и кивнула в мою сторону. Он пристально посмотрел на меня.

– Слушай, остынь. Чем проще отнесешься к этой его выходке, тем скорее он приедет, а станешь бомбить эсэмэсками – будет знать, что все в порядке: страдаешь и раскаиваешься, – Полина помахала официанту и попросила счет. – Просто расслабься и перестань убиваться. Займись чем-нибудь приятным, а еще лучше хорошенько развлекись с друзьями.

– Мои друзья – Макс с Артемом.

– Знаешь что? – Полина вдруг оживилась. – Приходи завтра ко мне. Я устраиваю вечеринку. Будет полно интересных людей. Гарантирую – отвлечешься.

Парень продолжал смотреть в нашу сторону, я потупилась, и она это заметила.

– Ниче так, – в открытую оценила она его. – Ну так что, придешь? Я тебе адрес сейчас скину. Станция «Проспект мира». Рыжая ветка. Пять минут от метро.

Женщина за соседним столиком поднялась и направилась в сторону туалетов. Парень достал телефон.

– Понравился? – Полина снова поймала мой взгляд.

– Нет. Не в этом дело. Просто он так мило ухаживает за ней.

– Правильно. На это всегда нужно смотреть. Как парень относится к матери, так и к тебе будет относиться.

Затем Полина неожиданно встала и подошла к нему.

– Привет. Как тебя зовут?

Он медленно поднял глаза и какое-то время изучающе смотрел.

– А что?

– Ты моей подруге понравился. Хочу в гости тебя пригласить. – Полина стояла ко мне спиной. – Просто вечеринка. Можешь с другом приходить. Афинаполина.

– Что?

– Инста моя. Чтоб ты понимал, что никакой подставы. Надумаешь, напиши в директ.

И парень с совершенно равнодушным лицом, словно оценивая, имеет смысл идти или нет, перевел взгляд на меня. Я же, вероятно, покрывшись красными пятнами, почти сползла под стол, не зная, как избавиться от этой неловкости.

Он просто кивнул, и Полина вернулась на место.

– Зачем вы это сделали? – меня переполняло негодование. – Я ничего такого не говорила.

– Да ты только и делаешь, что в ту сторону смотришь.

– Это потому, что... Это совсем не потому. Это из-за мамы его...

– Ладно, ладно, ничего ужасного не произошло. Подруг у меня много. Не захочешь, найду куда пристроить. Кеды – «Томми», часы – «Омега». Молоденький только. Но это быстро проходит.

Мы попрощались возле кафе. Полина поехала за Ланой, а я решила пройтись.

Эта встреча не принесла ни успокоения, ни помощи. Где-то в глубине души я надеялась, что Полина знает что-то особенное, некий прием, специальное слово, способное все отменить, как будто ничего и не было. Но она не знала, а в ее размышлениях об Артеме звучало осуждение. И если раньше я и могла додумывать об их отношениях всякое, то после этой встречи убедилась, что Артем точно не мог любить ее. Никогда. Полина принадлежала к тому типу людей, которых он на дух не переносил. Практичная, напористая, безэмоциональная. Она сказала, что расстроена, но мои переживания волновали ее не больше, чем метеоритный дождь на Марсе.

Для нее это была обычная выходка Артема, а для меня «три недели» – ледяная бесконечность.

В медицине есть такой прибор – алгезиметр. Он предназначен для того, чтобы определять уровень боли. Металлическое острие, протыкающее кожу, или сдавливающие щипцы.

Но для измерения уровня чувств никаких приборов не придумали. Какой иглой, да и куда нужно ткнуть, чтобы понять, каково на самом деле другому человеку?

Как-то моя школьная подруга Эля получила тройку за контрольную по физике и, прохордив два дня в слезах, объявила, что она в депрессии. Эля была повернута на учебе, но хорошие оценки давались ей тяжело, и чем больше я уверяла ее, что это всего лишь оценка, которую можно будет исправить, тем сильнее она заводилась, отвечая, что легко рассуждать, когда это тебя не касается. Тогда на следующем же уроке физики я вызвалась к доске и наговорила такой ерунды, что физичке пришлось поставить мне двойку.

Думала, Эля оценит, но она посмотрела на меня как на идиотку и заявила, что я все равно ее не пойму.

А через год одноклассники засунули мне в волосы жвачку. То был отвратительный, неприятный случай, волосы пришлось отстричь, и я долго не могла успокоиться. Эля же отнеслась к моим переживаниям на удивление равнодушно, сказав, что глупо убиваться из-за волос. Я объяснила, что дело не в них, а в унижении. На что Эля, припомнив свою физику, ответила, что получить тройку намного унижительнее.

Возразить было нечего, потому что я – это я, а она – это она, и у каждой своя боль и свой неподдающийся измерению порог чувств.

Поэтому Полину я не осуждала и в чем-то даже была согласна с ней. Стоило просто отвлечься и перестать прокручивать в голове то, что могло бы быть сейчас, не случись вчерашнего дурацкого разговора.

Глубоко погружившись в свои мысли, я неторопливо брела в сторону своего дома. Окружающий мир сделался размытым и глухим. Ему, как и Полине, до моих проблем не было никакого дела.

Неожиданно какой-то мужчина, пробегая мимо, задел меня плечом, я подняла голову и впереди увидела Тарасова. Одного из тех придурков-одноклассников, что засунули жвачку в волосы.

Не раздумывая ни секунды, я нырнула в дверь ближайшего магазина и, окунувшись в его спасительную прохладу, встала так, чтобы видеть через витрину дорогу.

Худенькая девчонка-продавщица с длинными светлыми волосами повернулась в мою сторону. Я схватила первую попавшуюся босоножку и принялась крутить в руках.

– Эти классные, – она уже была тут как тут. – Я бы себе такие взяла.

– Спасибо, – я не спускала глаз с проходящих мимо людей.

– Но если есть деньги, могу предложить кое-что получше. Показать?

– Нет, спасибо.

– Ты померяй, а я послежу.

– Что? – я повернула голову.

Густо накрашенные голубые глаза смотрели со всей серьезностью:

– Ты же прячешься от кого-то?

– Просто не хочу встречаться.

В этот момент за стеклом появился Тарасов. Шел он медленно, что-то набирая в телефоне. Я резко отвернулась. Девушка была примерно одного со мной роста, и мы оказались лицом к лицу.

«Семина Анастасия», – прочла я на бейдже.

– Бывший парень? – спросила она с беспечной непосредственностью.

– Нет. Просто одноклассник. Неприятный человек.

– По нему заметно.

– Этот не самый ужасный.

Она понимающе закивала:

– Нет ничего хуже, чем встретить одноклассников летом.

– Лучше уж летом, чем каждый день во время учебного года.

– Ты в каком?

– В одиннадцатый перешла.

– И я, – обрадовалась она. – Хотела еще после девятого свалить и сразу работать пойти, но из-за мамы пришлось остаться.

– Я тоже из-за родителей.

– Но, знаешь, я здесь всего второй месяц, и уже думаю, что лучше учиться. Все мои друзья отдыхают, а у меня сил даже на драмы не остается. И ведь если бы пахала как лошадь. За

целый день может ни одного человека не зайти. Сидишь как дура... Скучно и спать постоянно хочется.

Я вернула босоножку на полку.

– Спасибо. Я пойду.

– Значит, не померяешь? – разочарованно протянула она.

– У меня все равно с собой денег нет.

– А у меня их вообще нет. Но если бы были, я бы себе «Миуччи» взяла. Хочешь взглянуть? Они прекрасные. Сейчас, погоди. – Не дожидаясь моего ответа, девушка побежала в другой конец полки. – У тебя какой размер?

– Тридцать восьмой.

Она вытащила из стопки черную с серебристыми буквами коробку. Торопливо раскрыла и положила ее на банкетку.

– Иди сюда.

Туфли и в самом деле оказались красивые: черные, будто усыпанные серебристыми блестками, круглоносые, на высоком толстом каблуке. Пришлось померить.

Я надела их и встала перед зеркалом.

– У тебя есть парень?

Я кивнула.

– А у меня нет, – с печальным вздохом пожаловалась Настя. – Здорово, наверное, когда есть парень.

– Здорово.

– И ты его сильно любишь?

– Сильно.

– А он тебя?

– Хотелось бы.

– Эх, а я Чонгука люблю, но он обо мне даже не знает. Ну и пусть. В моей голове он меня тоже любит. Так даже лучше, потому что в реальной жизни очень мало любви. Иногда мне кажется, что ее совсем нет. Что это просто выдумка такая, рекламный ход. Вроде как: британские ученые доказали, что любовь существует.

Я присела на банкетку, и она опустила на корточки, чтобы помочь мне разуться.

– Тебя как зовут?

– Вита.

– О, здорово, как в «Лиричной волшебнице Нанохе»?

– Просто Вита.

– А я Настя.

– Я уже поняла.

– Откуда? – Голубые глаза удивленно распахнулись.

Я кивнула на бейдж, и она рассмеялась.

– Ты не очень спешишь? Можешь побыть со мной полчаса? Просто так. Поболтаем, а то мне даже в телефоне сидеть нельзя. Напарница в комнате прячется, там камер нет, – Настя кивнула под потолок. – Но она уже третий год здесь, так что у нее привилегии.

Я замялась. Просьба прозвучала странно. Я никуда не торопилась и не знала, что придумать, чтобы отказаться.

Однако Настя восприняла мое молчание как согласие.

– Ты рассказывай что-нибудь, а я буду делать вид, будто помогаю тебе с примеркой. – Она сняла с полки несколько коробок. – Наш начальник за нами через камеры наблюдает. Чтобы мы работали, на банкетках не сидели и в телефонах не лазили.

– Я не знаю, что рассказывать.

– Что угодно. В какой школе учишься? Что любишь? Какую музыку слушаешь? Какие фильмы смотришь? Про одноклассника этого своего или про парня. Как вы с ним познакомились?

– Это долгая история.

– Вот и хорошо.

– Я не хочу про это.

– Ты думаешь, что я странная?

Вопрос застал врасплох. Обычно все так думали про меня.

– Нет, конечно. Ты совсем не странная, а вот день сегодня очень странный. Все как с ног на голову перевернулось. Ни с того ни с сего.

– А ты веришь в чудесные стечения обстоятельств? – Настя загадочно округлила глаза.

– Не особо. Мой папа говорит, что мы живем в век пропаганды мистицизма и засилья антинауки.

– Но раньше люди тоже считали, что мир держится на трех слонах, просто потому, что не могли увидеть его целиком и осознать, как он устроен на самом деле. Ты когда-нибудь видела бозон Хиггса? Я тоже. А вот чудесное встречается на каждом шагу. Случайные встречи, исполняющиеся сны, интуитивные предчувствия... Неужели у тебя никогда такого не было?

Я задумалась.

– Однажды, когда мне было шесть, у меня на глазу вскочил большущий ячмень и никак не хотел проходить. Мы мазали, капали, но меньше он не становился и все равно болел. Тогда маме порекомендовали какого-то очень хорошего доктора, но работал он в Подмосковье, так что нам пришлось ехать к нему на электричке.

Была суббота и в вагоне почти никого. Я привалилась к маме и задремала, а проснулась от ее громкого встревоженного голоса: «Что вам нужно?»

Открываю глаза, напротив сидит странный взъерошенный дед. Сидит, наклонившись вперед, смотрит на меня очень пристально и улыбается. Мама говорит ему: «Уходите», а он вообще не реагирует. Смотрит, смотрит, а потом как подует на меня. Будто на одуванчик. Я испугалась, что от него вонять будет, и отпрянула. Мама вскочила. Но от него не воняло. Мы перешли на другое место, и мама стала спрашивать, все ли со мной в порядке. Ерунда, конечно, что может быть от того, что человек на тебя просто подул?

А когда доехали до доктора, оказалось, что ячмень прошел и на его месте осталась только маленькая белая точка.

Доктор удивился, в то, что ячмень с утра был огромный, не поверил и смотрел на маму, как если бы она очень-очень сильно преувеличивала.

Папе мама потом сказала, что ячмень сам «лопнул», а я до сих пор думаю, что это тот дед меня вылечил.

– Вот видишь, – Настя еще больше оживилась. – А у нас в доме два года назад одну женщину кипятком обварило. Трубу в подвале прорвало – и прямо на нее все хлынуло.

Ее быстро оттуда вытащили, но врачи сказали, что больше двух дней не протянет. Говорят, даже с лица вся кожа сошла, череп было видно. Но через два дня она не умерла и через три тоже. А вскоре полностью пришла в себя, стала есть и разговаривать. В общем, спустя месяц ее выписали. И сейчас у нее не только никаких следов от ожогов не осталось, она стала даже лучше выглядеть. И на здоровье не жалуется. Я ее лично спрашивала. Врачи говорят, что в медицине и не такие чудеса случаются.

Она осторожно присела рядом со мной.

– Я думаю, знаешь что? Что ты сама себя вылечила, и эта женщина тоже. Все волшебство в наших головах и мыслях, только мы не очень умеем этим пользоваться. Просто представь, что люди не умели бы читать и не знали, что буквы можно складывать в слова. И тогда тот, кто умеет читать, тоже казался бы всем волшебником. Мне это один мой друг объяснил.

Он, правда, назвал это самовнушением, но я думаю, что, когда ты вдруг от чего-то вылечиваешься, – это волшебство. Можешь не верить, но такое правда существует. У меня раньше была одна дурная привычка, – она понизила голос. – Я ногти грызла все время. А потом бабушка научила, как от этого избавиться. И сработало. Прямо в один день, как отрезало.

Настя умиляла своей простотой.

– Ты извини, я пойду. Хочешь, как-нибудь погуляем? – сказала я.

– Я бы с радостью, но в ближайшие две недели буду работать без выходных. А потом поеду к другу в прекрасный белый дом. Но ты заходи, если захочешь.

– Обязательно, – я встала.

– А еще я, знаешь, что думаю? Что ты не просто так ко мне пришла, потому что ничего на свете не бывает случайно. Я как увидела тебя, сразу поняла, что мы подружимся. Бывает, видишь человека, и кажется, что ты его знаешь. Я поэтому так много разговариваю. С чужими не умею, а с тобой очень легко.

По правде говоря, от ее сумбурной болтовни мне тоже стало заметно легче.

– Ой, подожди! – Настя вскочила и убежала к кассе, а вернулась с маленькой синей подушечкой в руках. – Держи, это подарок. Мы их раздаем при покупке больше пяти тысяч, но ты просто так бери. На память.

– Ты купила подушку? – удивилась мама.

– Мне ее просто так дали. В магазине акция была.

– Удивительно, – она покачала головой. – Обычно ничего не дают, только отнимают. Ты уверена, что тебе за нее не придется выплачивать пожизненный кредит?

Глава 7

Тоня

Всю дорогу в электричке Леха развлекал нас забавными историями про свою дачу, школу, друзей и девушек, так что мы с Сашей смеялись не переставая. Часть этих баек правда была позаимствована из Интернета, но рассказывал он здорово, и Якушин быстро оттаял. А я неожиданно поняла, что рада Лехиной компании. Пусть Саша и был моим другом, но какая-то недосказанность между нами все же висела: будто то ли я ему что-то должна, раз он обратил на меня свое драгоценное внимание, то ли он мне за то, что я долго и безответно его любила в школе.

Лехе же удалось так захватить наше внимание, что всю дорогу мы разговаривали только с ним. Он был из тех, с кем находишь общий язык легко и сразу.

Раскованный, обаятельный, шумный и при этом не доставучий.

Ни я, ни Якушин не отличались особой общительностью, однако Лехе этого не требовалось, и как только первоначальный конфликт благополучно разрешился, он моментально превратился в нашего «доброего друга».

– Злая колдунья предсказала королю, что, когда его дочери исполнится девятнадцать, она уколет палец веретеном и умрет. И тогда король, чтобы спасти принцессе жизнь, отрубил ей все пальцы.

Смеялся Леха громко и заразительно, на весь вагон. Люди рядом невольно улыбались.

– Я тоже хочу быть доктором, – воскликнул он, услышав, что в группе у Якушина всего четыре парня. – Нет, правда, я бы, может, тоже в мед пошел, но химичка меня ненавидела. Она старая, вредная и шуток вообще не понимает. А ты в морге был? Ну и как? Я, кстати, тоже реальный труп видел. Мне не понравилось. Но ради девчонок в белых халатах я бы, может, и перетерпел.

После электрички пришлось еще ехать на автобусе. Мы сошли на одинокой, нещадно исписанной граффити зеленой остановке. Чуть поодаль виднелись высокие бетонные заборы, а по другую сторону дороги простирались дикие, поросшие бурьяном поля.

Поднимая с обочины столбы пыли, автобус покати́л дальше, оставив нас озираться по сторонам.

Солнце пекло. На небе ни облачка. От асфальта шел такой нестерпимый жар, что резиновые подошвы на кедах начали плавиться. Ветра не было, а каждый вздох обжигал легкие. Попробовав закурить, Леха тут же выбросил сигарету.

Из спасительной тени глухой остановки крепко несло мочой и пивом. Вокруг все словно вымерло.

Якушин достал из рюкзака бутылку с водой, и мы по очереди молча пили из нее, после чего Леха вылил остатки себе на голову.

Из-за слепящего солнца электронная карта на телефоне Якушина едва просматривалась, и разобрать красный пунктир проложенного маршрута оказалось не так-то просто. Низко склонившись над экраном, парни долго пытались разглядеть хоть что-нибудь.

Мне же неожиданно позвонил Марков и сказал, что он «так и быть» может съездить со мной в «эту глушь». Я ответила: «Поезд ушел», и он принялся возмущаться, что я не должна обижаться, поскольку ему нужно было время все обдумать. А как услышал о Якушине, заявил, что мы его кинули. Ведь он тоже не прочь свалить из города.

Закончив разговаривать, я обнаружила, что мы идем по засыпанным щебнем плитам мимо высоченных бетонных заборов. За ними остервенело заходились собаки, а в воздухе стояла такая едкая вонь, что пришлось зажимать нос.

– Срежем, – пояснил Якушин. – Тут через поле можно пройти. А если в обход тащиться, то два километра.

Он принялся совать мне под нос электронную карту и что-то объяснять, но выслушать нормально никак не получалось, потому что нас облепили непонятно откуда взявшиеся мошки и слепни.

– Там свинарники, – яростно отмахиваясь, сообщил Леха.

– Или коровники, – предположил Якушин.

– Не, – Леха со смаком прибил на его локте слепня, – точно свинарники. Коровы по-другому воняют. Кстати, знаешь, как скрестить корову со свиньей?

– Ну, – Якушин потер ушибленное место.

– С помощью мясорубки.

Леха весело рассмеялся и от души шлепнул меня по спине. Получилось больно. Я резко развернулась, но он предусмотрительно отскочил.

– Ты вообще с ней поосторожнее, – усмехнулся Якушин. – Не смотри, что мелкая. Двинет – мало не покажется.

– Так я со всей осторожностью. Почти не коснулся.

– Вообще не касайся, – строго предупредила я. – Никак.

– Между прочим, никто не жаловался, – Леха нагло подмигнул, кинул в меня репейник и снова яростно замахал руками.

Наконец заборы кончились, и песчаная дорога пошла под уклон. Нашим глазам открылся пожухший от жары желтоватый луг. За ним – узкая полоска леса и аккуратные острые крыши домиков. Мы вышли на хорошо утопанную тропинку.

В траве как полоумные стрекотали кузнечики. Но мошкары стало меньше, и дышалось намного легче, хотя пить все равно страшно хотелось, а воды у нас больше не было. Влажная майка прилипла к лопаткам, а кончики волос к шее, и от этого она постоянно чесалась.

Якушин растегнул рубашку, Леха намотал футболку на голову и уже грозился снять штаны, как вдруг внизу, неподалеку от леса, мы увидели длинноволосую стройную девушку в коротком белом платье.

Девушка раскидывала руки в стороны и кружилась. Вокруг нее беззаботно скакал золотистый ретривер. Идеалистически-киношная картина.

Леха присвистнул.

– Красота какая.

Якушин промолчал, но на пару секунд заинтересованно приостановился. И они оба, не сводя с девушки глаз, пошли значительно быстрее.

Меня же упорно не покидало чувство, что эта луговая нимфа заметила нас еще раньше, потому что от этого ее беззаботного порхания уж слишком веяло театральной самодеятельностью. Однако парни, похоже, этого не поняли: у обоих, как по команде, выпрямились спины и расправились плечи. Леха стянул футболку с головы, Якушин между делом застегнул рубашку. Последняя надежда на то, что девушка окажется страшной и мы спокойно пройдем мимо, развеялась, как только она обернулась и с любопытством взглянула на нас.

Собака для приличия тявкнула и завиляла хвостом.

– О! Привет! – в Лехином голосе прозвучала такая радость, будто перед ним его старая знакомая, и они сто лет не виделись. – Мы тут немного заблудились. Деревню одну ищем. Поможешь?

Внезапно широко разулыбавшись, девушка кивнула. Лицо у нее было гладкое, загорелое, светло-серые глаза круглые, удивленно-распахнутые, волосы прямые, светло-каштановые, с выгоревшими на солнце прядками, а улыбка странная: нечто между блаженной гримасой буддистского адепта и кровожадной ухмылочкой Харли Квинн.

Леха пихнул Якушина локтем. Тот отмер и суетливо полез за телефоном. Леха попытался забрать у него трубку, но Якушин не отдал и, подойдя к девушке вплотную, стал показывать карту из своих рук.

То и дело убирая занавешивающие экран волосы, девушка начала объяснять, где мы находимся, но Леха, моментально пристроившийся за ее плечом, пока она говорила, на карту ни разу не взглянул.

– Деревня на той стороне. Вам лучше идти напрямик, через коттеджи. Там забор с калиткой, но она часто бывает открытой. Пройдете по прямой, и за ними, сразу после шлагбаума, будет деревня.

– А если калитка заперта? – спросил Леха.

– Тогда можно коттеджи обойти, но это дольше.

– А перелезть через калитку можно?

Она медленно повернула голову в его сторону и посмотрела будто бы с осуждением, но на самом деле с интересом.

– Можно, но там охрана иногда ходит.

– А как открыть эту калитку?

– У тех, кто живет в коттеджах, есть свой ключ.

– А ты из коттеджей?

– Ну да.

– Значит, у тебя есть ключ?

– Значит, есть.

– Тогда, может, ты просто нам откроешь?

– Может, и открою, – она кокетливо встряхнула волосами.

Было ясно, что Леха ей уже понравился.

– Классный пес, – нарушил их милую беседу Якушин.

С видом заправского кинолога он присел на корточки и, чуть прищурившись, принялся разглядывать собаку.

– Это девочка, – сообщила нимфа. – Малаша. Но по паспорту – Матильда.

– Клубная, значит, – Якушин понимающе кивнул.

Заметив, что внимание людей переключилось на нее, Малаша схватила в зубы мяч и, призывно глядя Якушину в глаза, завиляла хвостом. Он протянул ладонь.

– Черт! – вдруг громко воскликнул Леха и схватился за лицо.

– Что такое? – девушка обеспокоенно подалась к нему.

– Кажется, мошка в глаз попала.

– Лучше бы в рот, – Якушин кинул мяч собаке, и та помчалась его ловить. – Это лабрадор?

– Золотистый ретривер. Занимает четвертое место в списке самых интеллектуальных пород.

Леха глубоко и шумно втянул воздух:

– Классные у тебя духи.

– Шампунь, – поправила она. – Я духами не пользуюсь.

– Тебе вообще сколько лет?

– Девятнадцать, а что?

– Замечательный возраст!

Наблюдать за их заигрываниями было забавно, но не на такой жаре.

До лесной полосы и калитки, о которой шла речь, оставалось совсем немного, и я успела дойти почти до конца поля, когда в спину раздался громкий свист.

Обернулась – догоняли уже втроем.

– Куда учесала? – окликнул Леха.
– Я тороплюсь. В случае чего и обойти могу.
– Вообще у нас по одному лучше не ходить, – сообщила нимфа, с любопытством разглядывая меня.

– А сама-то?

Она тут же отвела глаза и глупо рассмеялась.

– Я с собакой.

– А что у вас? – заинтересовался Леха. – Как обычно? Маньяк, педофил, все дела?

– Да нет, просто парня одного в карьере нашли. Полиция приезжала. Говорят, кто-то нарочно столкнул. Теперь все боятся.

– Ужасы какие, – Леха притворно приложил ладонь ко рту, но по глазам было видно, что прикалывается.

– Тебя как зовут? – спросил ее Якушин.

– Алена.

– А я Саша. Значит, у вас тут карьер есть? Я бы искупался.

– У нас тут целых два карьера. Один хороший: огромный и чистый, а второй, чуть подальше, – полупустой и каменистый. В него Гриша и упал. Папа говорит, оттуда для асфальтового завода песок возили. Так вот и осталось с восьмидесятых годов.

– О да! – оживленно подхватил Леха. – Веди нас туда скорее.

– Это там, – Алена показала в сторону леса.

– Так что? Ты нас проводишь? – не унимался Леха.

Мы подошли к открытой калитке.

– Я думала, вам в деревню нужно.

– Разок окунемся, а потом в деревню, – Якушин с надеждой посмотрел на меня. – Ты не против?

Но я еще рта не успела открыть, как Алена торопливо согласилась:

– Ладно, ждите здесь. Сейчас только собаку заведу.

Быстрым шагом она почесала по ровной асфальтированной дороге вдоль одинаковых симпатичных домиков-коттеджей. А как только отошла на приличное расстояние, Леха тут же стал высказывать Якушину:

– Вот не пойму, чего ты лезешь? Ясно же, что у нас любовь с первого взгляда.

– Это ты лезешь, – спокойно отозвался Якушин. – Она просто воспитанная и не может прямо сказать, чтобы ты отвял со своими дешевыми подкатами.

– Серьезно? – Леха заносчиво хохотнул. – Это ты себя так успокаиваешь?

– Короче, – перебила его я. – Вы пока погуляйте, искупайтесь, может, еще чего успеете, а я пойду. Потом просто позвоните. В крайнем случае, встретимся у дома Амелина.

Якушин недовольно покачал головой:

– Тогда давай мы тебя сначала проводим, а потом пойдём купаться.

– Шлагбаум видишь? – Впереди в самом конце дороги едва различимо виднелась маленькая красно-белая полоска, перегораживающая дорогу. – Деревня сразу за ним. Думаешь, заблужусь?

Саша с сомнением посмотрел в сторону шлагбаума, затем на меня.

– Точняк, заблудится, – закивал Леха. – Иди проводи.

– Это ты ее маме расписку кровью давал, а я здесь на добровольных началах.

Леха положил руку мне на плечо и крепко сжал.

– Тогда не рыпайся. Просто стоим и ждем. Она сейчас вернется.

Я решительно высвободилась.

– Мне не нравится ваша фея. И ждать ее я не собираюсь. И уж тем более не пойду на карьер. Я сюда по делу приехала.

– Ну хорошо. – Якушин проверил телефон. – Связь есть. Тогда созвонимся.
Леха помахал рукой.

Все дома в коттеджном поселке были типовые, отделанные светлым сайдингом, как из какого-нибудь голливудского сериала: два этажа и маленькое круглое окошечко под крышей. Вместо привычных глухих заборов дворы огораживали низенькие чугунные ограды с вензелями.

За шлагбаумом дорога упиралась в лес, затем резко сворачивала вправо и, чуть петляя двумя раскатанными колеями, поднималась в горку. На холме виднелись хмурые серо-коричневые бревенчатые домики с крашеными мансардами. Вдоль обочины тянулся редкий, ничего не огораживающий штакетник. В некоторых местах за ним трава была скошена, а кое-где виднелись нежные островки ромашек.

Дорогу мне перебежал серый полосатый кот. Настороженно остановился, сверкнул желтыми глазищами и, вздыбив шерсть на загривке, огромными скачками умчался в кусты. Перед одним из домов прямо из земли торчал огромный толстый кран. Где-то закукарекал петух.

Двадцать восьмой дом искать не пришлось. На дощатом заборе сохранился зеленый почтовый ящик с номером. Но и без него я бы смогла узнать этот дом.

Приземистый и широкий, разделенный на две половины. С резными наличниками на зашторенных окнах слева и мутными, пустыми окошками справа. На каждой стороне свое крыльцо. Правое – высокое, огороженное перилами, на левом – только пара ступенек и два покосившихся столбика.

С тех пор как пьяный водила-сосед убил своего пасынка, Костина бабушка выкупила соседскую часть, но там так никто и не жил. Раньше Амелину постоянно чудился голос того убитого мальчика, но в последнее время он стал забывать об этой истории.

Костя часто рассказывал о своем детстве здесь. Это были странные истории. Немного страшные, немного волшебные, немного грустные. Об одноглазой, никогда не засыпающей лошади. О звездном тумане, что он собрал в банку из-под малинового варенья, и тот светился в темноте. О ходивших по дворам и продававших шерстяные пледы цыганках, которые чуть было не увели его с собой, пообещав молодость без старости и жизнь без смерти. О лисьем черепе, зарытом рядом с Деревом желаний.

А еще о том, как ему лечили горло пчелиными сотами и спрятавшаяся в одной из них пчела укусила его в язык. И о том, как все вещи начинали с ним разговаривать, стоило только бабушке уйти из дома. Мне нравились эти истории.

Так в задумчивости я простояла несколько минут, и все это время дом тоже будто бы смотрел на меня сквозь траурно задернутые шторы. Настороженно и с подозрением.

Из Москвы все казалось естественным и простым. Словно стоит мне сюда приехать, как сразу все разрешится и встанет на свои места. Словно дело только во мне, и смерть Костиной бабушки – хоть и печальное, но рядовое жизненное обстоятельство.

Однако чем дольше я пребывала в раздумье, тем сильнее чувствовала себя эгоистичной и глупой. Нужно было обязательно предупредить. А что, если Мила выставит меня за дверь? Она меня на дух не переваривала. Впрочем, это было взаимно.

Неизвестно, куда бы завели эти размышления, если бы в соседнем дворе не послышались голоса. Я быстро распахнула незапертую калитку, пробежала по мощеной дорожке, заскочила на крыльцо и, сделав глубокий вдох, постучала в дверь.

Немного подождала и постучала снова. Потом еще и еще. Но в доме стояла мертвая, немая тишина. Подергав дверную ручку, я спустилась, обошла дом и прошлась по двору.

Там оказалось все очень аккуратно и ухоженно. Яркие клумбы с цветами, усыпанные ягодами кусты черной смородины и крыжовника, несколько грядок с зеленью, в стеклянных теплицах виднелись плетистые заросли.

На растянутой между яблонями веревке сушилось белье. Две белые наволочки и черная футболка с Кори Тейлором в одноглазой маске.

Посидев немного на лавочке под яблоней и съев пару осыпавшихся и очень вкусных яблок, я снова вернулась на крыльцо и постучала. Но с тем же успехом.

Сюрприз определенно затянулся, и я уже достала телефон, чтобы позвонить, как неожиданно на улице появилась русоволосая, широколицая женщина в летнем халате. Утиной походкой она ковыляла по дороге, а заметив меня, остановилась и крикнула:

– Вы журналистка?

Я помотала головой.

– А кто?

– Знакомая.

– Валентина-то на прошлой неделе умерла.

– Я к Косте.

– Так он уж сбежал поди, – женщина махнула рукой. – Будет, что ль, дожидаться, пока посадят.

– Как посадят? – я оторопела. – Кого посадят?

– Так всем спокойней будет. И Валентине тоже. – Сокрушенно качая головой и крестясь, женщина заковыляла к дому напротив, а когда я выскочила на улицу, уже скрылась за его высоким забором.

Поспешно достав телефон, я набрала номер Амелина. Гудки шли долго, но трубку никто не взял.

Зачем ему куда-то сбежать? Что могло произойти? Сознание плавилось от жары. Возможно, мне тоже стоило искупаться и потом все обдумать.

Было уже два часа. Зной набрал полную силу. Тени деревьев дрожали, желтоватой пылью песок вылетал из-под ног, воздух гудел от напряжения.

Намереваясь позвонить ребятам от шлагбаума, я неторопливо брела назад, как вдруг что-то странное, интуитивное, смутное, точно позабытый наутро сон, кольнуло изнутри. Я резко развернулась в обратном направлении и уже издалека увидела на крыльце двадцать восьмого дома темную фигуру.

В том, что это Амелин, сомнений не было, кто еще по такой жаре станет носить футболку с длинными рукавами и черные штаны?

В первый момент я безрассудно бросилась вперед, но потом притормозила.

Костик с опаской огляделся по сторонам и осторожно спустился с крыльца. Было не похоже, чтобы он меня искал или собирался догнать. Скорее наоборот – хотел удостовериться, что я ушла.

Осознание того, что он нарочно прятался от меня в доме, привело в такое бешенство, что кулаки сжались сами собой. В тот момент я точно готова была его убить. И Амелин это сразу понял, как только прикрыл за собой калитку, поднял голову и увидел, что я иду.

Мы бросились бежать одновременно. Он от меня, я – за ним.

Мы помчались, громко топя и поднимая столбы пыли, к другому краю деревни. По дороге я с размаху запулила свой рюкзак в кусты, что позволило значительно ускориться, но если бы Амелин не обернулся и не налетел на прислоненный к столбу велосипед в конце улицы, я бы вряд ли его догнала.

Но он с грохотом сшиб велик и нагнулся, чтобы поднять. В этот-то момент мне и удалось с разбега заскочить ему на спину.

От резкого толчка и тяжести он пошатнулся, прошел, отчаянно пытаясь восстановить равновесие, еще немного вперед, но, когда я врезала ему кулаком между лопаток, не удержался – и мы оба полетели в глубокую придорожную канаву за крайним домом.

Мои истошные крики прокатились по всей деревне. Во дворе залаяли собаки.

Канавы целиком заросла крапивой, а я была в майке и шортах.

Однако вместо того, чтобы срочно доставать меня оттуда, Амелин с силой навалился и, даже не дав сделать вдох для следующего крика, стал целовать. Подлый, коварный, обезоруживающий ход. Потому что я и правда забыла о жгучей боли и обиде. Позабыла о злости и о том, что собиралась его «убить». Потребовалось собрать всю силу воли в кулак, чтобы окончательно не растаять.

Какое-то время мы сосредоточенно боролись, из-за чего я не слышала, как на дороге появились люди, а когда совсем над нами раздалась громкие мужские голоса, Костик прижал мою голову к своему плечу, и мы замерли, затаившись.

– Кто орал-то?

– А хрен его знает. Баба какая-то.

– Во, гляди, велик валяется. Может, ее?

– Не, это Салима. Он у нас во дворе облепиху выкорчевывает.

– А баба тогда где?

– Показалось, может.

– Поди, Натаху Шикову косилкой придавило. С восьми утра тархтеть, падла, начала, а сейчас, слышь, затихло все.

– Так проверь.

– Да пошла она, стерва, позавчера пятихатку просил занять, так она знаешь, что мне сказала? Иди, говорит, заработай. Прикинь? Это она – мне. Мне! Дура крашенная, чтоб ее косилка переехала.

Мужики перекинулись еще парой фраз и ушли.

Амелин приподнялся на локтях и, широко распахнув глаза, изобразил невероятное удивление:

– Не может быть! Тоня! Какой сюрприз! Я так рад, что ты приехала.

– Чего же тогда прятался и убежал? – я снова готова была ему двинуть, и он, предугадав это, удержал меня за запястья.

– Это я от радости. Не мог поверить своему счастью, – черные глаза светились и, если бы не трусливое бегство, я бы и в самом деле подумала, что он рад.

– Отпусти сейчас же! На мне живого места не осталось.

– Только пообещай, пожалуйста, больше не драться.

Я нехотя пообещала, и мы кое-как выбрались из канавы.

Руки, ноги и плечи целиком покрылись сетью красных пупырышков, которые нещадно горели и чесались. Было унижительно и больно до слез. В один миг все перевернулось с ног на голову. Я ехала к нему с чувством раскаяния и вины, а он, как оказалось, даже видеть меня не хотел.

И как я могла забыть? Амелин всегда был трикстером – порой нежным и ранимым как ребенок, а иногда темным, опасным и совершенно непредсказуемым.

У меня никогда не получалось долго злиться на него, потому что потребность быть рядом оказывалась сильнее любой злости, но сейчас я собиралась уехать без каких-либо разговоров или объяснений.

– Прошу, не обижайся. – Он держался позади на безопасном расстоянии. – Я правда тебе рад. Очень рад. Никогда бы не подумал, что из-за меня ты потащишься в такую даль по дикой жаре. Только подумать, Тоня! Ты приехала ко мне. Сюда! Я так устал скучать по тебе, честно. Ты мне каждую ночь снишься. Может, и сейчас тоже сон?

Его искренний тон мог сбить с толку кого угодно, но только не меня.

Под ноги попался камень. Я подняла его и, не оборачиваясь, кинула назад.

– Вчера как раз старые вещи разобрал и подумал: было бы здорово, если бы Тоня сюда приехала. Там на чердаке столько всего интересного! Кстати, ты голодная? У меня весь холодильник забит. Не молчи, пожалуйста. Остановись. Давай нормально поговорим.

В кустах сирени я подобрала свой рюкзак и пошла дальше.

– Просто можешь представить себе самую глубокую холодную черную пропасть? А потом в ней вдруг появляется свет. И этот свет – ты. Правда. Я не вру. Только обожди, пожалуйста, пять минут, я тебе раствор соды сделаю, чтобы ожоги помазать, а потом провожу до автобуса.

– В смысле? – я недоуменно остановилась и повернулась к нему. – Что значит проводишь до автобуса?

– Нет, ну то есть ты же уезжаешь, да? – Он растянул такую милую улыбку, что я еле сдержалась, чтобы не нарушить обещание и не вклеить ему затрещину.

– А хочешь, я тебя провожу до Москвы?

– Если я сейчас уеду, то тебя в моей жизни больше не будет никогда! Ясно?

После бурных поцелуев в канаве я ожидала чего угодно, но только не такого. В этом был весь Амелин: его хотелось любить и убить одновременно.

Сунув руки в карманы, он уперся в меня долгим задумчивым взглядом.

– Давай я тебе по дороге все объясню.

– Либо ты объясняешь все прямо сейчас – по-нормальному, без глума, – либо это последний наш разговор.

– Можно тогда я подойду, чтобы ты не кричала на всю деревню?

– Можно, – малодушно ответила я, отчетливо осознавая, что если он сейчас подойдет и обнимет, то я точно сдамся. Но внезапно лицо его вытянулось, и он застыл, глядя мне куда-то через плечо.

Я обернулась и увидела, что на дороге возле большого ржавого крана стоят Леха и Якушин.

Саша надавил на рычаг, и из носика крана мощной струей хлынула вода. Леха сначала подставил ладони, сделал из них пару глотков, а потом сунул под струю голову.

– Меня мама одну не хотела отпускать, – сказала я Амелину после напряженного молчания.

От дурашливой радости на его лице не осталось и следа.

– Я так и понял.

Глава 8

Никита

По правде говоря, Лехе я сочувствовал. Трифонов сам попросил его помочь, а потом, когда все так закрутилось, только наехал. Кто же знал, что мама у Тони такая вредная и несговорчивая?

Вообще-то на Лехином месте должен был оказаться я, поэтому ни капли не обиделся, когда на следующее утро, услышав в трубке мой голос, он разразился возмущенной тирадой о том, что я его подставил и теперь по гроб жизни ему обязан. Я извинился и на полном серьезе пожелал ему хорошей поездки. Леха же послал меня куда подальше, а потом пообещал приехать, как только сможет.

Однако на этом сюрпризы не закончились. Когда мы с Дятлом пришли в назначенное место, где договорились встретиться с Трифоновым и Максом, то увидели их сидящими на капоте темно-синего старого «форда» с аэрографическим рисунком в виде электрических разрядов вдоль всего кузова. Ни дать, ни взять – реквизитный автомобиль из «Мэд Макса». Артем называл его – Пандора.

При виде машины Дятел позабыл обо всем. Наспех поздоровавшись с ребятами, он скинул сумку прямо на асфальт и принялся ощупывать ее и оглаживать, а как узнал, что мы поедем на ней, так и вовсе задохнулся от восторга.

Я же к компании Артема отнесся довольно прохладно. Странно, что Трифонов согласился взять пятого человека и делиться с ним потом деньгами. Тем более такого, с которым проблем явно не оберешься. Но мнение свое я оставил при себе, да и высказывать его было поздно.

Однако против того, чтобы отправиться в лагерь на крутецкой тачке, я ничего не имел.

Ехали быстро, стекла были опущены, ветер, обдувая со всех сторон, яростно трепал нам волосы. Ноги Макса в больших белых кроссовках, закинутае на торпеду, покачивались в такт орущей музыке. На щиколотке одной из них было неброско вытатуировано слово «беги», и оно как нельзя лучше подходило, чтобы описать охвативший меня ошалелый настрой.

«Coming out of my cage»⁵, – надрывался Брэндон Флауэрс.

Да я и сам будто выбрался из клетки. Я был этим чертовым мистером Оптимизмом.

Лето, каникулы, первая настоящая в жизни свобода – убойная доза гормонального адреналина. Все доступно, и все можно. От перспектив кружилась голова, а мир из окон движущейся машины казался намного веселее и лучше.

Вот только девчонок в коротких юбках рассмотреть как следует не получалось, зато я высунулся из окна и помахал нескольким из них рукой, на что никогда бы не решился, если бы просто проходил мимо.

Постояв немного в пробке на МКАД, мы съехали на шоссе и, набрав скорость, помчались, обгоняя ветер. Всю дорогу Артем весело рассказывал историю о том, как они весной попали в половодье и были отрезаны от дороги рекой, а зажатый между мной и Трифоновым Дятел то и дело повторял: «Ничесе».

За продуктами заехали в гипермаркет «Глобус». Я первым выскочил из машины и первым влетел в крутящуюся стеклянную дверь, не зная, куда девать скопившуюся энергию.

Но такой наэлектризованный был не я один.

⁵ «Я выхожу из своей клетки» – песня группы The Killers «Mr. Brightside».

Стоило нам войти в торговый зал, как Артем, подхватив из железной распродажной корзины войлочный тапок, запустил им в Трифонова. Давно привыкший к Лехиным выходкам Тифон мгновенно увернулся и, подцепив из другой корзины пластиковую шлепку, метнул ее в Артема. Тот наклонился, и шлепка угодила прямо между лопаток Дятлу. Громко ойкнув, Дятел подобрал ее и радостно швырнул обратно.

Но Дятел – это Дятел. Руки у него растут не из того места, а глазомер как у страдающего катарактой крота. Естественно, шлепка улетела на полку с товаром и снесла в верхнем ряду несколько коробок с петардами. Коробки попадали, раскрылись, и маленькие, величиной с сигарету петарды раскатились вокруг по всему полу.

«50 штук», – прочел я на коробке. А таких коробок рассыпалось не меньше шести.

Перепугавшись от того, что натворил, Дятел кинулся собирать петарды, а парни с дружным гоготом двинулись дальше.

– Брось, – сказал я ему. – Придут работники и уберут тут все.

– Я не хотел, я случайно, – сокрушался он, ползая на четвереньках.

– Правда? А я думал, специально. По приколу.

– Ты что?! Это плохая шутка. Я бы не стал.

– Успокойся уже, – потребовал я, глядя, как он пересчитывает оставшиеся в одной из коробок петарды и поштучно добавляет в нее недостающие. – Ты же не будешь собирать все коробки. Ждать тебя никто не станет.

Пришлось увести его силой.

Парни отыскались в отделе с алкоголем, они уже нагрузили доверху две тележки: одну едой, другую бутылками.

– Вот это да! – ахнул Дятел. – А там можно будет выпивать?

– Не можно, а нужно, – Артем закинул сверху упаковку с пивом.

– Давайте только так, чтобы нас оттуда не выперли, – недовольно проворчал Трифонов. Судя по выражению его лица, они уже успели поспорить об этом до нашего прихода.

– Не выпрут, – Макс посмотрел на Дятла и подмигнул. – Мы же не дети.

Дятел радостно закивал и про петарды благополучно забыл.

До тех пор, пока на выходе из магазина его неожиданно не остановил охранник и не потребовал показать карманы. Только вместо того, чтобы вывернуть два несчастных кармана своих шорт, Дятел неожиданно уперся и заявил, что отлично знает права потребителя и делать этого не обязан. Охранник ответил, что в таком случае вынужден задержать его, потому что они видели на камерах, как Дятел положил несколько петард к себе в карман.

Я был дико возмущен, так как отлично знал, что он ничего не брал, и велел доказать это. Однако Артем неожиданно поддержал Дятла и в открытую предложил ему послать охранника. Тифон же сказал, что охранник всего лишь выполняет свою работу и самому вывернуть карманы не запахло.

Одним словом, возникла дурацкая, тупиковая ситуация, в которой даже под угрозой вызова полиции Дятел, подогреваемый насмешливыми советами Артема, ни в какую не хотел уступать. Усложнилось все тем, что на помощь к охраннику прибежали два молодых парня в форме и собрались проводить Дятла в комнату для обыска.

Услышав это, Трифонов тут же впрягся уже по-серьезному, заявив, что он сам их сейчас обыщет. И все наверняка переросло бы в очередную потасовку, если бы увлеченно снимавший разборки на телефон Макс не утомился и не предложил Артему тупо купить эти самые петарды. После чего Артем, недолго думая, забрал все шесть коробок, не столько обрадовавшись решению конфликта, сколько самой идее – повзрывать их.

Через двадцать минут добрались до нужного места. Объехали крохотную белокаменную церквушку, одиноко стоявшую среди полей, и, еще немного прокатившись по лесу, увидели арочный свод въезда и большие красные буквы над ним: «Юпитер».

Остановились на квадратной заасфальтированной площадке.

Духота стояла невероятная. От асфальта шел жар, и сильно пахло нагретой краской. Трифонов должен был позвонить сторожу, чтобы тот нас встретил, но связи не было, и он стал ловить сигнал на дороге, пройдя сначала в одну сторону, затем в другую.

Я снял футболку и хорошенько умылся питьевой водой из бутылки. Дятел тоже схватился за бутылку, однако, все еще пребывая в жизнерадостном возбуждении, уронил – и вся оставшаяся вода разлилась.

Не сдержавшись, я дал ему пинка. Он радостно ойкнул и, держась за зад, начал носиться, изображая, как ему больно. Водительское стекло опустилось, и Артем удивленно уставился на его кривлянья.

Я чуть со стыда не сгорел. Уже в третий раз за день: после рассыпанных петард и препираний с охранником.

Продолжая идиотничать, Дятел помчался к деревьям, врезался в ствол сосны и, обхватив его, стал делать вид, будто карабкается наверх. Артем рассмеялся, а я с трудом подавил в себе желание догнать сводного братца и врезать ему. Когда подобное проделывал Криворотов, было смешно, у Дятла же получалось нелепо и по-детски.

– Эй, вы кто такие? – от недовольного окрика я вздрогнул.

Возле калитки стоял очередной охранник.

– Мы работать, – я был ближе всех к нему.

– Кем работать?

– На стройплощадку.

– Какую еще площадку? – охранник, подозрительно поглядывая на Пандору, все время держал руку на рации.

– Мы с начальником лагеря договаривались.

– Мне никаких распоряжений не поступало. Все, давайте освободите площадку. Здесь разрешается стоять только персоналу и родителям.

– А мы персонал, – дерзко заявил я, пытаясь реабилитироваться перед Артемом за глупую выходку Дятла.

Но охранник отчего-то занервничал и, ничего не ответив, свалил. С металлическим лязгом хлопнула калитка. Я решил, что это я его напугал, но оказалось, подошел Трифонов.

Сигнал он так и не поймал, но зато обнаружил другие ворота, которые были гораздо больше похожи на то, что нам нужно.

Те ворота находились чуть дальше по дороге и на них не было никаких надписей, а перекрестье ржавых прутьев украшала большая выцветшая пятиконечная звезда.

Первым вышел Макс, потряс створки, калитку и, в одно мгновение перемахнув на другую сторону забора, исчез в глубине густого парка, а через пять минут вернулся с тощим небритым мужичком в заляпанной краской футболке и широченных шортах, из-за которых его ноги казались неестественно худыми.

Мужичок отпер ворота, назвал себя Борисом и объяснил, куда нужно проехать.

С правой стороны сквозь деревья за высокой сеткой проглядывалась ухоженная территория «Юпитера» – соседнего лагеря с новенькими строениями и аккуратными аллеями. С левой – сплошные заросли и разруха.

Неподалеку от въезда перед нами возник высоченный завал: куча бетона, кирпичей, разломанных досок, стекла и прочей дряни. Песок на земле был белый, битые стекла сверкали на солнце.

За завалом виднелся полуразрушенный трехэтажный кирпичный корпус. Не было сомнений, что прежде куча была точно таким же корпусом.

Свернув пару раз и миновав еще одно приземистое, мрачного вида здание, мы оказались на узкой дорожке.

Среди деревьев, куда едва проникало палящее солнце, на довольно приличном расстоянии друг от друга виднелись острые треугольные крыши маленьких, напоминающих вигвамы деревянных домиков.

- Вот это я понимаю – атмосфера, – сказал Артем. – В таком месте я еще не жил.
- Кондеев и москитных сеток здесь не будет, – сообщил ему Макс.
- Серьезно? И подогрева сидений на унитазах тоже?
- Не уверен, что будут сами унитазы, – подал голос Тифон.
- Как же быть? – ахнул Дятел.
- А вот так. Тебя Никитос предупреждал, что здесь условия для пацанов?
- Но мы же на три недели, – разволновался Дятел. – Что же делать без унитаза?
- Как «что»? – фыркнул Трифонов. – Терпеть. Ты вообще мужик, Соломин, или нет?

Мы остановились на полукруглой поляне, которую Борис назвал «стоянкой». Сам он, заметно запыхавшись, появился минут через семь и сразу повел нас к домикам.

- Ваши десятый и восьмой. Это десятый, – он с усилием раскрыл дверь крайнего домика. Внутри было два крохотных отсека. В одном располагалось нечто вроде кухоньки (стол с двумя табуретками), в другом – спальня: две кровати по обе стороны от узкого окна.

О чистоте речи разговора не шло, но кто-то все же пытался убраться, и на кроватях, как на полках в поездах, лежало чистое белье. Его приятный свежий запах заглушал вонь отсыревшего дерева.

- Здесь двое. И двое в восьмом.
- Но нас пятеро, – сказал Тифон.
- Ничего не знаю, – Борис развел руками. – Меня предупреждали о четверых. У остальных домов состояние аварийное. Там жить нельзя. Могу попробовать еще одну кровать выпросить, а вы уж сами думайте, как ее сюда впихнуть.
- Скажите, пожалуйста, – Дятел рассеянно оглядывался по сторонам, – а унитаз у вас есть?

Борис устало посмотрел на него. Было ясно, что он нам не рад, но старательно выполняет поручение.

– Сортир на той стороне, – он махнул в неопределенном направлении. – Уличный. Яма. Только заливать воду в бачки придется самим, потому что трубы нигде не меняли и воды в этой части нигде нет. Придете ко мне, я вам бочку дам, а то не находитесь.

Трифонов кинул на одну из кроватей свой рюкзак.

– А мыться? – Макс стоял на пороге раскрытой входной двери и передавал слова Бориса Артему.

– Тоже из бочки. Или на озере. От задней калитки десять минут. – Борис пошарил в кармане, вытащил связку ключей, отцепил от нее один и, оглядев нас по очереди, отдал его Тифону. – Это от задней калитки. Только запирайте ее за собой, а то дачники постоянно лезут. И еще дети с той стороны. Детей можно и нужно пугать. Здесь им не место. Получат травму – Павел Ильич будет отвечать. Но обижать их нельзя. За это Ильич тоже будет отвечать. Здесь, на территории, делайте что хотите. Хотите – пейте, хотите девок водите, если найдете. Мне по барабану, главное, чтобы без производственных травм. Огонь разводить только в мангалах. Жара стоит дикая, кругом полно сушняка, вспыхнет за секунды.

- А как ворота открывать? – крикнул с улицы Артем. – У нас же машина.
- Борис нахмурился, потом махнул рукой.
- Там навесной замок. Пока вы здесь, запирайте не буду, но не забывайте его вешать назад. Он сосредоточенно почесал в голове, обдумывая, о чем еще не сказал.
- А почему у вас телефоны не ловят? – поинтересовался только закончивший переживать по поводу унитазов Дятел.

– Звонить возле храма можно. Или на дачах. У нас не берет.

– А с едой как? – спросил Макс.

– В восьмом доме плитка электрическая. Продукты в поселке можно купить. За полем. Там и станция железнодорожная. Ах да, и, если жить хотите, кукурузу не вздумайте воровать. Это фермерские поля, частная собственность, мужики там без башни – голову на раз оторвут. Ну что, кровать нужна?

Трифонов ответил, что нужна, и они втроем с Артемом поехали в «Юпитер», а мы остались осматриваться.

Восьмой домик ничем не отличался от десятого, за исключением того, что вместо чайника на столе стояла электрическая плитка с одним блином – вещь абсолютно в стиле бабушкиного «раритета».

Макс вошел в комнату, оглядел кровати и, пожав плечами, словно оправдываясь, сказал:

– Я его не заставлял.

– А чего он вдруг поехал? – спросил я.

– Из вредности. Характер такой. Всем назло делать. Даже самому себе, – неопределенно ответил Макс. – Но здесь он долго не выдержит.

– Условия дрянь, – согласился я.

– Условия бывали и похуже. Просто не выдержит – и все. Терпения не хватит.

– Это из-за той подружки его? – высказал я свое предположение, пытаясь вспомнить, как ее зовут.

Макс кивнул и вышел.

Между домиками находился засыпанный хвоей деревянный стол с прикрепленными к нему лавками, он был покрыт темно-коричневой морилкой, поэтому почти не выщвел.

Чуть поодаль стоял кособокий ржавый мангал на высоких ножках, а за ним то ли турник, то ли оставшийся от качелей каркас.

Мы по очереди заглянули в остальные «вигвамы». Четные шли по левой стороне дороги, нечетные – по правой. В одном совсем не было стекол, в другом ступени полностью сгнили, темные пятна на полу третьего свидетельствовали о протекающей крыше. У четвертого попросту не было входной двери.

На другой стороне среди зарослей обнаружили тот самый туалет, о котором говорил Борис. Приземистое квадратное строение, отделанное белой, неплохо сохранившейся плиткой, с буквами «М» и «Ж» по краям. Дятел первый забежал внутрь и тут же выскочил как ошпаренный:

– Ужас!

Артем с Тифоном вернулись оживленные. Из их разговоров я понял, что, пока они искали кровать, успели цепануть в «Юпитере» каких-то девчонок. Точнее, девчонки сами их цепанули: подошли, спросили, откуда и как зовут. И теперь парни спорили, кто они такие. Трифонов считал, что вожатые, Артем уверял, что «дети». Однако и то и другое было не особо важно, главное, что тут в принципе были девчонки.

Вопросов, к кому подселать третьего, не возникло. Деревянный каркас с огромным трудом впили в проход между двумя другими кроватями в нашем, десятом, домике, и когда Трифонов с угрожающим треском его туда заталкивал, казалось, стены вот-вот сложаются. Но все обошлось. Получилась одна огромная трехспальная кровать на всю комнату: вошел – и упал.

– Фигасе аэродром, – восхитился Артем. – Представляю, как вам весело будет.

– Могу с тобой поменяться. – Тифон был явно не в восторге от перестановки.

– Не, не. – Артем протестующе замахал руками. – Я Вите только с Котиком изменяю.

– Почему он Котик? – задал Дятел давно интересующий меня вопрос.

– Потому что с виду белый и пушистый, а на деле – коварный зверь, – все еще смеясь, уклончиво ответил Артем, похлопал Дятла по спине и ушел.

Потом мы поели. Кое-как, наспех, просто бутерброды. Нарезав толстыми кусками колбасу и хлеб, Трифонов выложил их на пакет посреди стола. Макс притащил из машины упаковку баночного пива.

Дятел сунулся мыть руки, но воды, кроме питьевой в бутылках, не оказалось. Стали решать, как быть. Ведрами носить в бочку – сдохнешь. От дома, где жил Борис, чуть меньше километра.

Возить ведра на машине – не вариант. Дорога такая, что обязательно расплещутся. Тогда Артем предложил закупить больших десятилитровых бутылей и спокойно загрузить их в багажник. Это был отличный план, и Трифонов принялся восторгаться, как нам повезло, что Артем с нами поехал. Я заметил, что с момента нашего отъезда он разговаривал и советовался в основном только с ним, отчего у меня возникло странное чувство, что я там вообще не при делах и напробился, наподобие Дятла.

– Мы пойдем до церкви, – неожиданно для себя объявил я. – Позвонить надо.

Парни замолчали и с недоверием уставились на меня.

– Пешком? – спросил Артем.

– Конечно, – я решительно встал.

– Могу отвезти.

– Не нужно. Прогуляемся. Окрестности посмотрим.

Трифонов кивнул, будто я спрашивал разрешения.

Дятел, спешно запихнув в рот крошащийся кусок хлеба, вскочил за мной, попытался что-то сказать, но с набитым ртом не смог, поэтому просто припустил следом.

– Почему ты отказался? – наконец пробубнил он, когда дошли до конца улицы с домиками. – На машине – пять минут.

– Не хочу одалживаться. Подумаешь, машина. У меня в двадцать тоже, может, машина будет.

– Это вряд ли, – Дятел противно хмыкнул. – У папы нет возможности. Но я бы очень хотел машину. Вот такую, как Пандора. Ты знаешь, что у нее от «форда» только кузов? Она почти вся собрана вручную. Очень дорогая.

– А мне не нужен папа. Я сам себе куплю. Получше этой древности. Что-нибудь приличное, а не старое корыто, – заявил я специально, чтобы позлить его.

– У тебя денег нет, – хихикнул он, словно я с ним шучу.

– Будут.

– Банк ограбишь?

– Тебя продам. В рабство.

– Ну что ты, я же дохлый, – он развеселился еще больше. – Куда ты меня продашь?

– Ясное дело, не на рисовую плантацию. В секс-рабство, дебил.

– Ой, – он сделал круглые глаза. – Это опасно.

– Вот-вот. Так что не доводи меня и прекрати вести себя, как умственно отсталый. Из-за тебя они и обо мне также думать будут.

Белая, аккуратная, как с картинки церквушка с одним куполом и узкой колокольней рядом стояла прямо на дороге, а со всех сторон простиралась поля с пожелтевшей на солнце травой.

На ступенях церкви полусидя развалился пожилой мужчина, о его единственную ногу терлась кошка, а вместо второй торчала обернутая штаниной культя. Рядом лежал костыль.

– Эй, пацаны, – мужчина помахал рукой. – Дайте водички.

Мы подошли.

– Воды нет, – сказал я и по тому, как он заинтересованно нас оглядел, понял, что вода была лишь поводом подозвать нас.

– Вы кто такие?

– Просто, – я пожал плечами. – Люди.

– Вижу, что люди. Откуда взялись?

– Из Москвы. Лагерь строить.

– «Юпитер»?

Я кивнул.

– Да... Строй не строй, а как раньше уже не будет, – он кисло прищурился – и все его лицо исполосовали морщины. – Я вот шестьдесят девять лет на свете живу, а лучше ни разу не стало. С каждым годом только хуже и хуже. Да что там годом. С каждым днем все хуже... Жары такой отродясь не было.

– Бабушка говорит, что в десятом году было жарче, – сказал Дятел. – Это когда торфяники горели.

– В десятом тоже плохо было, но будет еще хуже, – заверил одноногий. – Кругом только дурные мысли и негатив. Что человек природе посылает, то она ему и возвращает. А посылает он ей только злобу и отчаяние. Дурные люди, дурные поступки, дурное время и дурные прогнозы.

– В каждом времени есть свои сложности, – выдал Дятел из вежливости еще одну бабушкину цитату.

– Эх ты. Открой глаза, это уже не сложности. Это катастрофа.

Дятел вытаращил глаза, похлопал ими и покрутил во все стороны головой.

– Ничего плохого не вижу. Здесь красиво и спокойно.

– Ты либо маленький еще, либо влюбленный. Только эти ничего не понимают, не замечают и живут в слепом неведении.

– Неведении чего? – не унимался Дятел.

– Того, что все плохо и как становится хуже.

Дятел задумался.

– Я точно не влюбленный.

– Ладно, пошли, – одернул я его.

Он мог затеять дискуссию с любым сумасшедшим.

– Меня зовут Федор, – крикнул нам вслед одноногий. – Приходите, если что.

Мы немного отошли, и я уже стал набирать наш домашний номер, как Дятлу вдруг пришло что-то в голову – и он вернулся к Федору, а мне пришлось за него отдуваться и рассказывать бабушке, как мы прекрасно добрались и какие у нас чудесные условия.

Когда же Дятел вернулся, то рассказал, что пытался объяснить Федору про относительность ухудшений и улучшений. Ведь если рассматривать сегодняшний день из другой временной точки, скажем, из дней Великой Отечественной войны, то сейчас мы живем лучше. И еще, что у нас есть беспроводная связь и кондиционеры. Федор признал, что в войну условия жизни были хуже, но зато люди были открытые, добрые и честные, а сейчас – дерьмо. И вот на это Дятел уже никак не смог возразить, потому что, по его словам, ни с кем из тех времен знаком не был.

Глава 9

Вита

Квартира у Полины была огромная. Комнат семь, не меньше. Три туалета и две ванны. Широкий коридор, высокие потолки – все чистое и безупречное, как в отеле.

Встретили меня две девушки, забрали торт, сказали не разуваться и сразу исчезли.

Мимо проходил длинноволосый парень, он предложил мне подержать рыжего котенка, которого нес на руках. Пока я из вежливости гладила котенка, парень объявил, что его зовут Матвей Тихий, что он художник и уже несколько раз выставлялся в галереях. Затем принялся сыпать какими-то фамилиями, которые я, вероятно, должна была знать. Повезло, что из комнаты вышла другая девушка, и он тут же предложил котенка ей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.